

И В А Н ПОГОНИН

Превышение
полномочий



ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Иван Погонин

Превышение полномочий

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Погонин И.

Превышение полномочий / И. Погонин — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-097477-1

Зимой 1889 года в Петербурге происходит убийство генеральши Штрундман и её горничной. Подозрение падает на лакея, но сыщик Мечислав Кунцевич благодаря обнаруженной в квартире шляпной коробке выходит на предполагаемых убийц. Соучастницей вполне может быть и девушка, в которую Кунцевич влюблен. Поведение этой хорошенькой продавщицы шляпного магазина вызывает много подозрений. А когда в ходе следствия сыщик выясняет, что преступники, убившие генеральшу, совершили ещё одно убийство – актрисы Марсельской, ему приходится всерьез присмотреться к девушке, вскружившей голову.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097477-1

© Погонин И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	26
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	38
Глава 11	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Иван Погонин

Превышение полномочий

© Погонин И., 2018

© Оформление. ООО "Издательство "Эксмо", 2018"

* * *

16 ноября 1934 года в одном из ресторанчиков в 15-м округе Парижа собралась небольшая компания. Отмечали юбилей – сидевший во главе стола мужчина праздновал семидесятилетие. Говорили на русском. Часа через два после начала банкета компания, как это обычно и бывает, распалась на отдельные группки, которые не обращали друг на друга никакого внимания. К оставшемуся в одиночестве юбиляру, задумчиво ковырявшему вилкой в тарелке, под села женщина лет тридцати.

– Выпьем, Мечислав Николаевич? – предложила она новорожденному.

Тот молча наполнил бокал дамы красным вином, себе плеснул несколько капель коньяку. Выпили.

– Что же это вы загрустили? – спросила женщина.

– Загрустил. А чему радоваться-то, Нина Николаевна? В моем возрасте юбилеи ничего, кроме тоски и грусти, не вызывают.

– Ну, не грустите. Коль вы станете грустить, так и я начну. Вы ведь этого не хотите?

– Нет, конечно, – взбодрился юбиляр. – Прошу прощения, мадам.

– А чтобы не грустить, вспомните что-нибудь веселенькое, вспомните и мне расскажите.

– Веселенькое?

– Ну да. Или не веселенькое, но интересное. Ведь на вашей прежней службе интересного было предостаточно. Кстати, помнится, лет пять тому вы мне обещали рассказать про вашу службу. Обещали, но так до сих пор ничего и не рассказали.

– Я? Обещал? Не припомню-с.

– Мечислав Николаевич! – Женщина погрозила Кунцевичу пальчиком. – Ух, Мечислав Николаевич! Все вы прекрасно помните.

Старик опустил голову и устался в пол. Постепенно шум компании становился все тише и тише, а потом исчез вовсе. Кунцевич поднял голову и увидел, что сидит не в парижском ресторане, а в петербургском трактире, что ему не семьдесят, а только двадцать пять, но он все равно грустит...

Часть первая

Глава 1

Вольнонаемный писец Экспедиции заготовления государственных бумаг ¹ Кунцевич сидел на чистой половине второразрядного трактира на набережной Фонтанки, пил третью кружку пива, хмелел и грустил.

«Лето, все порядочные люди на дачи уехали. Теперь небось коньяк пьют и осетриной закусывают. А вечером танцы устроят или спектакль любительский. Или просто чаевничать станут на балконе под трель соловья. А я? Вот сейчас пиво допью, и придется на жару выполнять. Завтра воскресенье, а из-за безденежья податься некуда. Или дома целый день сиднем сидеть, или по улицам без цели шляться. Черт бы все это побрал!»

– Кунцевич! Мечислав! Сколько лет, сколько зим!

Громкое приветствие сопровождалось сильным хлопком по плечу, от которого Кунцевич чуть не подавился пивом.

Мечислав оглянулся. Рядом с ним стоял высокий молодой человек, в котором он с трудом узнал Митю Быкова – сына мелочного лавочника с Надеждинской. Семья Кунцевича раньше квартировала в доме 20 по этой улице и имела у Митиного отца небольшой кредит. Кунцевич и Быков в детстве приятельствовались, но фамильярное обращение купеческого сынка все равно потомственного дворянина несколько покорило.

– Митя? Здравствуй.

– Чтой-то ты брат не весел? Или не рад нашей встрече? Да и выглядишь, честно сказать, плохо. Бледен, худ, одни усы остались!

– Ну отчего же, я рад... весьма рад. А веселиться мне, Митя, нет никакой причины...

– Я сейчас подойду! – крикнул Быков компании мужчин, направлявшихся в отдельный кабинет трактира, и вновь повернулся к Кунцевичу:

– Так почему у тебя нет никакой причины веселиться?

Хмельного писца потянуло на откровенность:

– Да потому что, Митя, жалованье у меня всего тридцать рублей. А на эти деньги есть, и пить надо, и за квартиру заплатить, и за самовар. А у меня еще и сестра младшая на содержании. В общем, не до веселья. Да и служба моя мне не нравится. Я здесь рядом, в Экспедиции служу, в бухгалтерии. Дебет-кредит, сальдо-баланс, одни сплошные цифры, с утра до вечера, с утра до вечера, хоть волком вой. А не уйдешь никуда, поди, найди сейчас хорошее место! Да и сестра...

– Ну, по поводу службы я тебе, пожалуй, что и помогу. Тебе двадцать пять уже исполнилось?

– В ноябре будет.

– В ноябре? Плоховато конечно, но я думаю, на это глаза закроют. Давай, брат, к нам в сыскное. У нас как раз вакансия открылась – сразу двоих надзирателей в арестантские роты отправили.

– В сыскное? В полицию? Спасибо, конечно, Митя, но...

– Что но?

– Я как-то не очень себя представляю в полицейском мундире.

¹ Так в XIX веке называлась предтеча нынешнего Гознака.

– Так ты мундир и не будешь носить. Мы, брат, мундиров не носим. Видел, с кем я в трактир пришел? Все мои сослуживцы, и все без мундиров. Мы скрытно работаем, никто не должен знать до поры до времени, что мы из сыскной. А ты говоришь мундир! Смотри: жалованье – пятьдесят целковых в месяц, еще и на сыскные расходы денег дают. А иной раз и от обывателей наградные перепадают. Мы как раз по этому поводу здесь и собрались – Денисову градоначальник разрешил сто рублей принять от одного купца, за отыскание уворованного имущества, вот Денисов и угощает.

– Сто рублей! Это надо же! И часто вы такие суммы получаете?

– Врать не буду, не часто, но случается. Впрочем, ты ведь человек не посторонний, скрываться от тебя не буду: кой-какие доходишки и помимо этого имеем.

– А что делать-то надо за такие деньги?

– Как что? Воров и убийц ловить, украденное искать и обывателям возвращать.

– Так не умею я этого. Не учился.

– А у нас никто не учился, полицейских школ-то не завели пока. Научишься во время службы.

– А возьмут меня? Я же по полиции никогда не служил, я бухгалтер.

– А почему не возьмут? Возьмут! У нас кого только нет. Вот, например, Денисов – он до сыска в цирке служил. Дикого человека изображал. – Быков усмехнулся: – Если честно, то и изображать не особо нужно было, он и впрямь дикий...

– А опасная ли служба? – спросил Кунцевич и тут же спохватился: – Нет, ты не подумай, я не боюсь, но знать хотелось бы.

– Я пять лет служу и ни разу револьвер из кармана не доставал. Бывает, конечно, начинают некоторые бузить. Ну отпустишь такому зуботычину, он и прекратит. Но это редко, народ-то у нас начальство уважает, почти всегда одного доброго слова достаточно, чтобы люди тебя послушались. Так ты как?

– Пожалуй, попытаюсь. Постой, а эти двое, на чьи вакансии ты меня сватаешь, за что в арестантские роты попали?

– Да дураки потому что, забудь, не забивай голову. В общем, если надумал, приходи завтра к десяти часам в Казанскую часть. Дежурному скажешь, что к начальнику сыскной, на службу проситься, он тебя проведет. А я за тебя словечко замолвлю, я у начальства на хорошем счету, Иван Александрович меня послушает. Ну ладно, я пойду, а то они, черти, без меня все выпьют. Извини, что не зову в компанию, не я сегодня угощаю. Вот начнешь служить, тогда вместе и погуляем. Давай, завтра приходи обязательно!

– Так завтра день-то неприсутственный!

– У нас, брат, каждый день присутственный, приходи смело.

Глава 2

9 июля 1889 года Мечислав Николаевич Кунцевич перешел Екатерининский канал по Львиному мостику и направился к зданию на Офицерской, 28, где размещалось Управление столичной сыскной полиции.

В приемной начальника уже сидело несколько человек. Супружеская пара средних лет: она беспрерывно плакала, он гладил ее по руке; какая-то размалеванная девица; дама лет пятидесяти и немолодой чиновник в полицейском кафтане без погон.

Дежурный поинтересовался у Кунцевича целью визита и, узнав ее, с интересом и, как показалось, жалостью посмотрел на него.

В очереди кандидат на место просидел минут сорок. Наконец его позвали в кабинет.

Взгляд начальника сыскного отделения – сорокапятилетнего плотного мужчины с николаевскими бакенбардами – был точно таким же, как у дежурного чиновника.

– Дежурный мне доложил о цели вашего визита. Да, у нас сейчас есть вакансии, но на службу мы не всякого принимаем. Вы дворянин?

– Да-с, потомственный. Сын статского советника.

– По какому ведомству батюшка служит?

– Служил по медицинской части, по военному ведомству.

– В отставке?

– Надеюсь, что в раю.

– Прошу прощения... Где учились, где ранее трудились?

– Вышел из пятого класса гимназии, служил писцом в губернском казначействе в Могилеве, потом в конторе Московско-Брестской железной дороги, сейчас – в Экспедиции заготовления государственных бумаг, в бухгалтерии.

– И чего же вас из бухгалтерии в сыскную потянуло?

– Не буду скрывать, прежде всего обстоятельства материального характера-с. У вас, говорят, жалованье больше.

– То, что не юлите, это хорошо. А то, знаете ли, придет какой-нибудь молодец и заявляет, что хочет защищать обывателей от разных мазуриков, не щадя живота своего, и служить готов даром, из одной любви к человечеству. Возьмешь такого на службу – глядишь, через месяц, много другой, бумаги приходится писать на имя градоначальника о том, почему этого молодца на каторгу отправлять не надо, а следует ограничиться одним только увольнением без прошения. Кхм. Что умеете?

– ...Да я все больше по бухгалтерии... Английский язык знаю!

– Английский? Английский – это хорошо, его мало кто знает, но на нашей службе это вряд ли пригодится. Зачем нам в Питере английский? Но образованные люди мне нужны, а то у меня половина служащих слово «зеленый» через два ять пишут. С условиями службы знакомы?

– Весьма поверхностно.

– В присутствие должны являться каждый день, в том числе и в праздники, поутру, к десяти часам. Я определяю вас в центральный район, поэтому вашим ближайшим начальством будет чиновник для поручений коллежский секретарь Жеребцов. Он в некотором роде наша знаменитость, пользуется славою Лекока. Я поручаю ему дознания по самым важным и запутанным делам. Поэтому под его началом вы многому научитесь, если, конечно, проявите старание. Присутствие длится до трех часов пополудни, потом обед, в семь с половиной – опять на службу, ну а заканчиваем мы – как Бог даст. Получка жалованья первого числа, жалованье у вас будет по низшему окладу, шестьсот рублей в год. Ну а дальше – как себя покажете. В

понедельник принесете выписку о рождении и крещении, аттестат из гимназии, ну и аттестат с прежнего места. Вы там по вольному найму?

– Точно так-с.

– Тогда можете прошение об увольнении писать. Вы мне подходите. Вопросы есть?

– Да. Револьвер мне дадут?

– Кхм. Я бы вам советовал самому его приобрести, казенные дрянно, случится, не дай Бог, стрелять – надежды на них никакой. Сходите в магазин Феттеля на Мариинский рынок, у него для полиции хорошие скидки, да и рассрочку он предоставит. Но это потом, как карточку полицейскую получите. Все, завтра жду вас с прошением и документами. Да! Не забудьте гербовый сбор оплатить.

На выходе Кунцевич столкнулся с Митей. На лице друга детства безо всякого труда можно было прочесть, что вчерашняя гулянка удалась на славу.

– Мечислав! Рад тебя видеть! Пришел, значит? Молодец. А я, брат, припоздал немного, дворник, сволочь, не разбудил вовремя. Понимаешь, сейчас меня уже его высокоблагородие не примет, да и показываться ему я в таком виде не хочу... Поэтому протекции тебе сегодня не составлю. Давай я завтра с начальством поговорю, а ты послезавтра приходи.

– Спасибо, я уже.

– Что уже?

– Уже был, говорил и вроде получил место.

– Очень прекрасно! Тогда с тебя причитается. Я через полчаса освобожусь, так ты жди меня в трактире Васильева, он рядом, по этой улице в тридцать шестом номере. Позавтракаем, заодно и обмоем твоё назначение.

– Меня ещё не назначили.

– Брось! Если начальник место обещал, так тому и быть. Иди в трактир, требуй отдельный кабинет, скажи, Дмитрий Спиридонович просил, пусть приготовят, как я люблю.

Домой кандидат на полицейскую должность возвращался на извозчике, истратив последний двугривенный, – пешком боялся не дойти. Митя остался в трактире в компании мрачного типа, которого представил Тошей, и двух развеселых девиц, появившихся где-то через час после начала «завтрака». На уговоры продолжить Кунцевич не поддавался, завтра ему надо было на службу, а туда он привык являться вовремя и со светлой головой. Дома он потребовал самовар, выпил три стакана крепкого чаю и завалился спать.

Через две недели к нему домой явился рассыльный и передал письмо с просьбой срочно явиться в сыскную. Оказывается, там поменялся начальник, и назначенный на место Виноградова Вошинин пожелал лично побеседовать с кандидатом. Результатом беседы новый начальник сыскной остался доволен, и в начале сентября в «Ведомостях градоначальства» появился приказ о зачислении Кунцевича на службу.

Глава 3

В небольшом, всего две квадратных сажени, кабинете чиновника для поручений Санкт-Петербургской сыскной полиции Жеребцова было не протолкнуться – хозяин кабинета проводил утренний развод подчиненных. Несмотря на такую фамилию и гордое имя Аполлон, Жеребцов ни статью, ни красотой не отличался. Как и большинство чиновников, работавших в сыскной, он выслужился из самых низов, с должности вольнонаемного агента, знал сыск от и до, фанатично был предан делу и требовал такого же отношения от подчиненных. Он мог закрыть глаза на многое: на пьянку, на мздоимство (если оно, конечно, не переходило известных границ), но только не на равнодушное отношение к поручениям.

– Господа, позвольте вам представить новообращенного. Кунцевич Мечислав Николаевич с сегодняшнего дня назначен на должность полицейского надзирателя. Господа, прошу отнестись к новому члену нашего коллектива с тем искренним вниманием и добротой, с которым когда-то коллектив отнесся к каждому из вас. Научите его всему хорошему, что вы знаете. Теперь о делах наших грешных. Макаров, ты вчера ездил на кражу из дома генеральши Ермолаевой?

– Так точно-с.

– Что там?

– Работаем, ваше благородие, кой-какие кончики уже есть, я вам приватно доложу.

– Это хорошо, что есть кончики.

Выслушав отчет каждого из надзирателей и дав каждому урок на день, Жеребцов обратился к Кунцевичу:

– Мечислав Николаевич, вот вам первое задание. Вчера пристав второго Спасского участка Хоменко (скажу честно, его фамилию надобно писать через «а») прислал матерьялец. У крестьянина Панова в Апраксине дворе украли серебряные часы в пятнадцать рублей стоимости. Вы, конечно, спросите, при чем здесь сыскная? А я вам отвечу, что никакой другой пристав такую ерунду нам бы спихнуть не смог. Но Хоменко – статский советник и состоит при МВД! Такому отказать нельзя. Поэтому дознание от него в градоначальстве приняли и мне передали. А я – вам. Ищите часы, Мечислав Николаевич.

Через пять минут Кунцевич с отрешенным видом сидел в комнате надзирателей, уставившись в тощую папку с надписью: «Дело о краже часов у крестьянина Якова Панова».

В папке было всего четыре бумажки. Первая называлась «Протокол». Кунцевич углубился в чтение:

«1889 года, сентября месяца, третьего дня, в третьем часу ночи, явился ко мне, околоточному надзирателю 2-го участка Спасской части, губернскому секретарю Константину Данилову Трутневу, неизвестный для меня человек, который заявил, что сегодня он отдыхал у лавки, находящейся по Банковской линии Апраксина двора, и неизвестные сняли с него, спящего, часы серебряные, на цепочке, глухие, которые оценивает он в 15 рублей, а также похитили узелок с бельем.

На мои расспросы явившийся отвечал, что он крестьянин Псковской губернии Яков Иванов Панов, 25 лет, жительствоует по улице Большая Садовая, дом номер 101 один, в 10 квартире, служит на железной дороге кондуктором.

2 сентября встретился он со знакомым машинистом, который и пригласил его идти с ним выпить. Они выпили пива и водки, и от смешения их он совершенно опьянел. Он пошел домой, в руках у него была палка и узелок с бельем, ибо он ходил в баню. Но как только он вышел за порог трактира, расположенного по Чернышову переулку, номер дома не знает, то почувствовал себя совершенно дурно, перешел улицу, подошел к стене закрытой уже лавки Апраксина двора, сел на землю и забылся. Прошло времени около часу. Он пришел в себя и

пошел к дому. Дома его брат, Алексей Панов, спросил: «А часы твои где?». Тут он понял, что часы у него срезали. Ему это было очень досадно. В карманах у него все было цело, ничего не пропало. На своих часах он еще раньше сделал знак: перочинным ножом вырезал буквы Я. и П.

Протокол сей составлен на основании 307 статьи устава уголовного судопроизводства, причем вышепоименованному Панову было указано мною об законной ответственности за лживые доносы».

Далее стояли подписи: витиеватая, с множеством росчерков – губернского секретаря и корявая – кондуктора.

Еще в деле была жалоба Панова ² и рапорт Трутнева о передаче дознания в сыскную, а также сопроводительное письмо с резолюциями градоначальника, Вошинина и Жеребцова.

Что делать со всем этим, Кунцевич решительно не знал. Пришлось искать Быкова.

Старший товарищ внимательно выслушал новоиспеченного сыщика, покусал ус и заявил:

– Да, брат, дело глухое. Накушался твой потерпевший до такой степени, что упал прямо у трактира. Ему еще повезло, что до исподнего не раздели, Апраксин двор место нехорошее. А те, кто часы слямзил, в этом же трактире их и продали, а деньги пропили. Ищи теперь свищи!

– Подожди. Если они их продали, то скорее всего трактирщику? Ведь народ в трактир идет не часы покупать, а на другое деньги тратить. А трактирщику сам Бог велел часы у посетителей на вино менять. Надобно расспросить трактирщика, узнать, кто ему часы продал, и...

– Так он тебе и сказал! Ты знаешь, что за покупку краденого статья в Уложении есть? Думаешь, охота трактирщику в арестном доме вшей кормить? Поэтому он тебе ничего не скажет, хотя такие часы покупает по пять раз на дню, я же говорю – Апраксин двор место нехорошее.

– Так как же быть?

– А никак. Ты человек образованный, четыре класса гимназии за плечами, красиво писать умеешь. Вот и напиши рапорт, как ты ноги топтал, часы разыскивая, сколько притонов обошел, сколько народу опросил, сколько ранее привлекавшихся за схожие кражи проверил. Дознание передадут следователю, а тот пошлет его прокурору на прекращение за нерозыском преступника, да еще тебе и спасибо в душе скажет, что ты его лишней работой не нагрузил, потому как, чтобы дело прекратить, надо одну бумагу написать, а чтобы в суд отправить – целый том. Рапорт составить я тебе помогу.

Кунцевич задумался:

– Спасибо, Митя, но я все-таки сначала попытаюсь поискать.

– Эх, молодо-зелено. Ну тогда удачи. Начни с потерпевшего, поподробнее его опроси. Я этого Трутнева знаю, он свою фамилию полностью оправдывает – работать не любит, поэтому и половины того, что ему потерпевший рассказал, в протокол не записал, к гадалке не ходи.

– Спасибо за совет!

«...На часах он еще раньше сделал знак: перочинным ножом вырезал буквы Я. и П.».

Закончив читать, Кунцевич поднял глаза на потерпевшего:

– Правильно околоточный записал?

– Правильно.

– А что за машинист с тобой пил, почему тебя бросил в таком состоянии?

– Признаться честно, не он меня, а я его бросил. Вернее, не бросил, а потерял. Пить-то мы начали не в этом трактире, этот уже, наверное, третий али четвертый... И где Игнат потерялся, я уже вспомнить не могу.

– Так и часы, может быть, у тебя в первом трактире украли?

² Здесь – заявление о преступлении.

– Нет, я в последнем трактире время смотрел. Когда стали выгонять, я ругаться начал, половой-то мне и сказал, мол, чего ругаешься, на часы посмотри, двенадцатый час ночи, закрываться им надо.

– Что ж ты, в последнем трактире один пил, как сыч?

– Не помню. Думаю, что не один. Я один не употребляю, всегда в компании.

– И кто ж был с тобой в «компании»? Вспоминай, вспоминай.

Панов закатил глаза в потолок и схватился рукой за подбородок. Через пару минут лицо его посветлело.

– Вспомнил! Вспомнил, ваше благородие. Чиновник со мной пил!

– Чиновник? Что за чиновник?

– Не знаю. Он мне говорил, как его звать, но я запомнил.

– А какого ведомства?

– Значки у него на петлицах не наши были, не путей сообщения, это точно, а в других я не разбираюсь.

– Каков из себя?

– Кто?

– Дед пихто! Чиновник?

– Чиновник? Ну... Тощий такой, высокий, бороденка жиденькая, лицо... Лицо такое, что сразу видно, что пьет много. Мундир весь грязный, изодранный. Но сразу видно, образованный – слова какие-то говорил, вроде русские, но непонятные.

– Видел его раньше?

– Кого?

– Чиновника!

– Где?

– В... Где-нибудь!

– Нет, раньше не видел. Я вообще в этот трактир первый раз попал. Эх! Если бы не жара, да не мешать пиво с водкой... Барин, найди мои часы, это ведь память об покойном родителе. Лешке он гармонь оставил, а мне, стало быть, часы. Таперя Лешка с гармонью, а я без часов. Обидно! Найди, а за мной не заржавеет! Я на железной дороге работаю, на жалованье грех жаловаться, отблагодарю, эх, пять рублей не пожалею. Память ведь тятин!

– Хорошо, пойдем.

– Куды?

– Трактир покажешь, где водку с пивом пил.

Около трактира Кунцевич отпустил потерпевшего и зашел внутрь. Заведение было хоть и не высшей категории, но и не последней. Полы и столы чистые, откровенно босяцкой пубрики и извозчиков не было, шума и криков не наблюдалось. Надзиратель присел за стол и заказал подлетевшему половому чаю и баранок.

Заказ был выполнен в течение минуты.

– Видишь ли, любезный, – обратился Кунцевич к половому, – я на жительство по соседству переехал, сам человек холостой, кухарку держать средства не позволяют. Думаю у вас столоваться. Обедать не получится, служу далековато, а вот ужинать буду приходить. Как тут у вас по вечерам, не пошаливают? Можно интеллигентному человеку спокойно покушать?

– Не извольте беспокоиться, ваше благородие, у нас с порядком строго. Хозяин шуму не любит. Чуть кто начнет – просим по-хорошему на улицу, освежиться. Срамных девок тоже на порог не пускаем. Заведение у нас для людей степенных, вам как раз подходящее, поэтому милости просим!

– А кто посещает заведение? С кем моего круга можно разделить компанию?

– В основном, конечно, купчишки, народ неполированный. Но бывают и чиновники, а один так вообще завсегдатай! Правда, компанию вам с ним вряд ли разделить захочется.

- Отчего так?
- Он оченно выпить любит, а средств не имеет. Ходит по столам, побирается. Мужики его приглашают умные разговоры послушать, за это наливают по маленькой. Навроде шута у них.
- Интересно! И часто бывает?
- Да почитай, каждый день. И сегодня непременно придет.
- Ну спасибо, любезный. Пожалуй, буду у вас столоваться.
- Милости просим! У нас постоянным клиентам – почет, уважение и кой-какая скидка. Придя в сыскную, Кунцевич постучал в кабинет Жеребцова.
- Разрешите, ваше благородие?
- Заходите. Чем обязан?
- Аполлон Александрович, позвольте сегодня не приходить на вечерние занятия?
- Вот те раз! Второй день на службе и уже отпуска требует. С чем связано?
- Да по краже часов у Панова кончики появились, надобно в вечер поработать. Жеребцов посмотрел на Кунцевича с интересом:
- Вы и вправду часы ищите? Неужели никто из товарищей бумаготворчеством не посоветовал заняться?
- Советовали, но я решил сначала попробовать поискать.
- Ну что же, ищите. От вечерних занятий я вас не освобождаю, как вернетесь, приходите ко мне. Я сегодня допоздна задержусь, в ночь дельце одно намечается.
- Благодарю.

Вечером в трактире было намного людней, шумней и веселей. Но половой не обманул, беспорядков не наблюдалось. Посетители, большей частью торговцы, чинно сидели за столами небольшими компаниями, мало пили, много ели, неспешно, с чувством собственного достоинства разговаривали между собой.

Ждать пришлось недолго.

Около десяти часов вечера в трактир зашел высокий господин с бледным, испитым лицом, одетый в засаленный, латаный-перелатаный вицмундир. Весь вид нового посетителя производил неприятное, отталкивающее впечатление.

Чиновник, в надежде на угощение, стал рыскать глазами по залу, но никто его к своему столу не звал.

И тут он увидел нового человека. Его тусклый взгляд сразу ожил. Бывший человек несмело приблизился к столику, за которым сидел надзиратель, и робко спросил:

- Вы позволите?
- Будьте любезны.

Чиновник сел на краешек стула:

– Разрешите представиться, отставной коллежский секретарь Адамов Артемий Федорович. Состоял по министерству народного просвещения. Из-за навета врагов вынужден был покинуть службу. Занимаюсь ходатайствами по делам. Могу составить прошение на высочайшее имя, иск в суд. Не желаете?

– Спасибо, нет. Я думаю, что адвокат теперь вам самому потребуется. Куда вы часы дели, Артемий Федорович?

Бывший коллежский секретарь отшатнулся и вжал голову в плечи:

– К-к-какие часы?

– Серебряные, глухие, с буквами Я. и П. на донце. Ну? Отвечайте! – громко потребовал Кунцевич.

– Не видел я никаких часов.

Надзиратель поднялся:

– Придется вам пройти со мной.

– Куда?

– Как куда? На Офицерскую.

– Никуда я с вами не пойду. Я вас знать не знаю.

– Мне что, городского позвать? Пойдемте, честью прошу, побеседуем в более спокойной обстановке, а коль выяснится, что вы ничего противозаконного не совершали, я вас немедленно отпущу. Если вы честный человек, то бояться вам нечего.

Адамов неохотно встал из-за стола:

– Ну хорошо, пойдем, но я буду жаловаться!

– Это ваше законное право. Я вам в сыскной и перо с бумагой дам, чтобы жалобу написать.

Минут десять шли молча. «А если он так и будет все отрицать? Что тогда делать-то? Ведь предъявить мне ему нечего, – с тревогой думал новоиспеченный сыщик. – Как же мне его разговорить?»

– Артемий Федорович, я смотрю, у вас на мундире след от университетского значка остался. Высшее образование получили, чин немалый выслужили. Как же так получилось, а?

Адамов молчал минуты три. Кунцевич уже подумал, что его вопрос останется без ответа, но тут бывший учитель остановился:

– Не надо мне про совесть напоминать. Нет ее у меня, пропил. Поэтому, если хотите признание от меня получить, купите сороковку, а лучше бутылку, я вам все и расскажу.

Кунцевич стал вертеть головой, ища винную лавку.

Адамов подергал его за рукав:

– Лавки все уже позакрывались. В трактир надобно идти. Ближайший – вот за этим углом.

– У меня только двугривенный, – смущенно сообщил полицейский надзиратель.

Бывший чиновник вздохнул:

– Что же с вами делать, пойдемте.

– Вас никогда не мучило похмелье? Да не такое, когда просто голова болит, а такое, когда так плохо, что жить не хочется? Когда просыпаешься и не понимаешь, кто ты, что ты, где ты? Когда думаешь только об одном: найти заветную жидкость, найти любой ценой, любым способом, найти и тут же уничтожить, ибо если не найдешь и не выпьешь – то все – помрешь. Не было у вас такого? А я последние лет десять так каждый день встречаю. И ради вина на все готов пойти, все готов продать. Как-то совсем мне плохо было, а угостить никто не хотел. Так я к брату пошел и попросил денег на доктора, который от пьянства лечит. На иконе ему поклялся, что покончу с этой привычкой. А как брат денег дал, так я не к доктору, а в кабак и тут же все пропил!

Адамов ловко опрокинул в глотку вторую рюмку.

– Вы, Артемий Федорович, про часы расскажите. – Кунцевич вертел между пальцами двугривенный.

– Вот и вы меня выслушать не хотите. – Пьяный уже чиновник вздохнул, повернулся к буфетчику и заискивающе попросил: – Порфирий Кузьмич, налейте-ка еще.

Получив водку, Адамов поставил рюмку перед собой и обратился к полицейскому надзирателю:

– Да что тут рассказывать. Увидел в трактире железнодорожника, подсел к нему, он меня угощать начал. Пили до самого закрытия. А как из трактира вышли, так он и свалился, я его поднимать, а у него из кармана часы вывалились. Смотрел я на них, смотрел, в конце концов не выдержал и себе забрал. Их бы все равно у него утащили. Не я, так кто-нибудь другой непременно срезал бы.

Кунцевич спросил:

– Часы-то трактирщику отнесли?

– Нет, Михаил Кондратьевич мне бы за них целковый дал, много два. А мне тогда деньги не требовались, мне уже хорошо было. Я их утром часовщику знакомому отнес, Леонову, отдал за пять рублей.

– А где мастерская Леонова?

– Да здесь недалеко, на Садовой, но он, наверное, уже закрылся. – Адамов выпил и отер рот ладонью. – Что мне будет?

– Я не знаю, суд решит.

– А может, это и к лучшему... Ведь в тюрьме водки-то нет? Ну помучаюсь я без нее несколько дней, а потом, глядишь, и отвыкну? Как вы считаете, смогу я перестать?

– Я думаю, сможете. Давайте мы так поступим: сейчас все-таки сходим к Леонову и заберем у него часы, а потом пойдем на Офицерскую, и вы все, что мне сейчас говорили, собственноручно напишете.

– А, давайте! Я все для себя решил. Порфирий! Налей-ка мне на дорожку!

«Принимая во внимание, что отставной коллежский секретарь Артемий Федоров Адамов по обстоятельствам настоящего дела достаточно уличается в краже у находившегося в бесчувственном от опьянения состоянии крестьянина Якова Панова часов, которые вскоре после кражи продал часовщику Леонову, дознание о нем полагаю передать судебному следователю третьего участка Санкт-Петербургского окружного суда, для возбуждения уголовного преследования по ст. 1656 Уложения о наказаниях».

Жеребцов отложил рапорт и посмотрел на Кунцевича.

– Молодец! Признаться честно, поручая вам это дело, я на успех не рассчитывал. Своим отношением к службе вы меня порадовали. Из вас должен выйти толк. Я сообщу его высокородию о вашем похвальном рвении. Продолжайте в том же духе. Вопросы?

– Есть один вопрос. Потерпевший хочет меня отблагодарить. Дает три рубля. Как быть?

– Вообще-то, ему надобно написать прошение на имя градоначальника, а тот уже решит, разрешать вам принять эти деньги или нет. Но так как сумма незначительна, канцелярщину разводить не будем. Берите три рубля и считайте, что я про них не слышал.

– Покорно благодарю.

Глава 4

Жалованье выдавал старший помощник делопроизводителя титулярный советник Сипачев.

Получив 18 рублей и 5 копеек, Кунцевич недоуменно на него уставился.

– А почему так мало?

– А почему должно быть больше? Вы полмесяца на службе, за это двадцать семь рублей полагается с копейками, треть подлежит удержанию, как с вновь поступившего. Итого восемнадцать рублей пять копеек. У меня ошибок не бывает-с.

– А за что с меня треть жалованья удержана?

– Порядок такой, в Своде законов прописан, с каждого, вновь поступившего на государственную службу, первые три месяца удерживается треть жалованья.

В дверях канцелярии Кунцевич столкнулся с Быковым.

– Митя, не дашь ли в долг рублей десять?

– Ты же только что жалованье получил!

– Да это разве жалованье! – Кунцевич показал три купюры.

– А давай-ка, Мечислав, пива выпьем. Я угощаю! Сегодня вечерних занятий у нас не будет, в день получки начальство нам поблажку делает. Подожди-ка меня на улице.

Дождавшись, когда половой отойдет от их столика, Быков заговорил вполголоса:

– Денег я тебе конечно дам. Но ведь их отдавать придется. Через месяц получишь ты как новичок рублей тридцать с небольшим, из них мне десять отдашь, да к тому времени еще долгов наделаешь. И что? Опять занимать будешь? Я тебе другой вариант предлагаю.

– Какой?

– Заработать.

– Как?

– Своим собственным умом. Ты за найденные часы денег с потерпевшего вытребовал?

– Он сам мне дал. Три рубля, хотя обещал пять.

– Вот видишь, какой народ у нас неблагодарный. Поэтому слушай меня внимательно. Мне тут поручение дали – расследовать однохарактерные кражи. Однохарактерность их вот в чем: совершают их только из хороших домов. Подгадывают, когда хозяев нет дома, звонят, прислуга открывает. На пороге – высокий господин с дамой, оба интеллигентного вида, хорошо одетые, у господина с собой – большой саквояж. На заявление прислуги, что барина нет дома, говорят: «Да, да! мы видели барина; он обещал через четверть часа приехать и просил его подождать». Прислуга впускает их в кабинет. Если прислуга уходит, то они сразу же принимаются в кабинете орудовать, если остается и следит за ними, то дама тихонько, со сконфуженным видом, спрашивает: «А где у вас тут уборная, голубушка?» Пока горничная отведет ее в уборную, пока подождет, господин в кабинете хозяйничает. Затем они уходят, сказав, что зайдут через полчаса. Горничная в кабинет – а там все перерыто, ящики взломаны, все ценное унесено. Брали в основном драгоценности и процентные бумаги, ну и безделушки разные дорогостоящие, которые обычно на рабочих столах стоят. Таких краж уже около тридцати по городу за лето. Воров я нашел.

– Как?

– Через как. Я же в сыскной служу, и не первый год.

– И долго искал?

– Долго, целый месяц в нищего заgrimированный ходил, питался подаяннем да из поганых ям, спал на улице.

Кунцевич уставился на Быкова.

– Да шучу я, брат. Шучу. У того мазурика, что барина играет, зазноба была, а он ей изменил. Зазноба рассерчала, да и шепнула мне на ушко о его похождениях. Вот и все. Просто?

– Просто, – разочарованно сказал Кунцевич.

– Просто, да не очень. Как ты думаешь, почему она не тебе это сказала, а мне?

– Так я в сыскной две недели!

– Ну хорошо, почему не Жеребцову, он в сыске двадцать лет?

– Не знаю...

– А потому, брат, что я работаю. Агентов себе ищу, добрым словом, кулаком да посулом уговариваю их на себе подобных мне доносить, грех на душу брать. Думаешь, легко человека, пусть трижды мазурика, уговорить своего брата предать? Очень нелегко. Но без этого никакого преступления не расследуешь.

– А как тебе это удастся?

– А это – наука, ей учиться надо. Научу я тебя со временем. Ну, так ты хочешь заработать или нет?

– А что надо делать?

– Я Тошу послал проследить за этой парочкой. Квартиру-то их агентша моя не знала. Тоша их выследил, живут они на Петербургской стороне, по Каменноостровскому проспекту у Силина моста, дачу снимают. Только не двое их там, а четверо. Одна дама и три здоровых мужика. Вдвоем нам не справиться. А ты парень крепкий. Подмогнешь?

– Так надо по начальству сообщить, они людей тебе дадут, сколько надо, и я, конечно, пойду. Скопом-то всех и сцапаем!

– Если бы так все было просто, я бы сейчас с тобой разговоры не разговаривал и денег заработать не предлагал бы. Тут вот в чем дело: ничего из похищенного до сих пор в городе не всплыло. Ни одного колечка в ломбард не снесли, ни одного купона не разменяли. Видать, люди опытные, по мелочам не размениваются, решили большой куш сорвать и со всем украденным скрыться. Проверил я эту версию, и она полностью подтвердилась! Оказывается, несколько дней назад мазурики наши начали в градоначальстве себе заграничные паспорта выправлять. Получается, что все ограбленное они теперь при себе хранят. И тут мне в голову идея одна пришла: прошелся я по потерпевшим. Конечно, не по всем, к генералам и чиновникам ходить – только неприятности искать. Посетил я представителей нашего славного купечества. И предложил им вернуть их вещички за вознаграждение. Купечество-то наше, особенно столичное, привыкло всем за все платить, в том числе и нашему брату полицейскому. Поэтому отказов практически не было. Теперь понимаешь, что произойдет, если я сейчас сообщу Вошинину? Накроет он банду, изымет краденое, пригласит господ коммерции советников и раздаст им все по описи. Вспомнят ли они тогда раба грешного Димитрия? Вот твой железнодорожник за отыскание уворованного пять рублей обещал, а дал только три, да и то из-за того, что пролетарий. А купец, конечно, платить привычный, но при этом одно правило блюдет свято: если можно не платить, то и не платит. Поэтому все наши с Тошей старания могут пойти псу под хвост. Получим «спасибо» от начальства, да, может быть, десятку-другую премии. А я с купцами совсем на другие деньги договорился.

– Так ты Вошинину вообще ничего говорить не хочешь? А воров куда девать? Отпускать?

– Вы, Мечислав Николаевич, совсем обо мне плохого мнения. Зачем отпускать? У меня есть список похищенного. Я отберу то, что моим купцам принадлежит, и им же и верну. Но только сам, в обмен на деньги. Возьму извозчика и все развезу, обернувшись я должен быстро – кражи в основном в центре совершались. А мазурики в это время под вашим присмотром сидят. Купцам их имущество раздам, а остальное добро – то, что генералов и чиновников, мы в сыскную привезем и вместе с задержанными Платон Сергеевичу в лучшем виде представим. Только перед этим с ворами поговорим, чтобы они забыли про то, что у наших купцов кражи совершали. Им выгода – меньше в остроге сидеть, купцам выгода – к следователю и в суд

не ходить, простофилями, которых вокруг пальца обвели, не выглядеть, нам выгода. Платон Сергеевич, конечно, обо всем догадается, но делать против нас ничего не станет. Зачем ему это? Ведь мы банду, которая весь город будоражила, поймали, генералам похищенное вернули. Никто не жалуется, все довольны. Ну, согласен мне помочь?

- А сколько я получу?
- Сто рублей.
- Согласен.
- У тебя револьвер есть?
- Нет, я как раз хотел приобрести.

Глава 5

– Я советовал бы вам, сударь, взять вот этот прекрасный револьвер. Система «Смит-Вессон». Последнее слово огнестрельной науки. Тройного действия, с экстрактором, бьет на шестьдесят шагов.

– А какая цена? – спросил Кунцевич.

– Сорок пять рублей.

– Гм... Для меня это дорого.

– Вы, говорите, по полиции изволите служить? Тогда вот, не угодно ли посмотреть? «Веб-лей», а по-русски «Бульдог». Как раз для сыскной полиции разработан. Ствол короткий, под сюртуком не видно. Вес небольшой, при этом калибр триста восьмидесятый. Прекрасное оружие для самообороны, действует весьма сильно, правда, дальность и меткость невелика, но в полицейском деле это не недостаток, а преимущество. В случайного прохожего не попадете. И стоит только восемнадцать рублей, это недорого, тем более что курс страшно понизился, а таможенные пошлины повышаются каждый час! Я вам и рассрочку предоставлю, скажем, на три месяца, до Рождества. Давайте так: сейчас шесть рублей и три месяца по четыре. Да, и коробку патронов – в подарок от фирмы. Вам упаковать?

– Нет, спасибо, я так.

Кунцевич сунул револьвер сзади за пояс брюк и достал из бумажника «красненькую», которую Быков выдал ему авансом.

В предвкушении крупного заработка он решил не мелочиться и доехал до Петербургской стороны на извозчике. Быков ждал его на берегу Карповки, у Силина моста.

– Значит, так. Тоша познакомился с одной вдовушкой, очень кстати оказавшейся соседкой наших друзей. Как у него получается знакомиться с дамами, я не знаю. Трех слов связать не может, внешность как у орангутана, а еще ни одна не устояла. Секрет, гад, не рассказывает. Ну ладно, это к делу не относится. Вдовушка предоставила в наше полное распоряжение сенной сарайчик, который стоит аккуратно напротив входа в дом соседей и из окошка которого прекрасно видно их двор. Делаем следующим образом: садимся в сарай и ждем, пока эти молодцы оттуда выйдут. Плохо будет, если сразу выйдут все четверо, но будем надеяться, что такого не случится, – барин с дамой на дело всегда только вдвоем ходят. Они пойдут или к Невке, или к Карповке. И там и там их встретят. Я с местным приставом договорился – он постовых городовых у моста предупредил, а у Невки новый пост поставил. И благодарить его не придется, я обещал, что его в приказе по полиции упомянут, а он недавно в отставку вышел из пехоты, и ему до сих пор благодарность в приказе лучше всяких денег. В общем, как они выйдут, Тоша за ними, а мы в дом и вяжем тех, кто там остался. Вопросы?

– А чем вязать? И как?

– Тут главное внезапность. Залетаем с револьверами, орем дурным голосом, чтобы руки подняли, кто не слушается, бьем.

– Я даму бить не буду.

– Я думаю, и не придется. А вязать будем вот этим. – Быков раздвинул полы пиджака, показав обмотанную вокруг пояса веревку.

Ждать пришлось недолго. Около четырех часов пополудни из дома вышли двое широкоплечих мужчин, одетых как мещане. Мужчины пошли в сторону Невки. Тоша не спеша поднялся с сеновала, спустился по лестнице и исчез за деревьями садика своей подруги.

И тут произошло то, чего Быков не предусмотрел. Примерно через пять минут после того, как ушли первые двое, из дома вышел еще один – высокий красивый мужчина, одетый в щегольской летний костюм. Помахивая тросточкой, он миновал калитку и направился в сторону Карповки. Быков шепнул:

– Я за ним. – И исчез с сеновала. Никаких инструкций Кунцевичу он не оставил. Прошло минут пятнадцать. Сыскной надзиратель весь извелся. Наконец решил: «И чего мне здесь сидеть, кого сторожить? Пойду в дом, там одна дама. Арестую ее, и делу конец».

Он слез с чердака, перемахнул невысокий забор между дачами, вытащил из-за пояса револьвер, открыл дверь и вошел в темные сени, из сеней – на большую кухню с голландкой. Посредине кухни стоял стол, вокруг которого были расставлены стулья. Женщина сидела на табурете у печки, спиной ко входу, и косарем щепала лучину.

– Ты чего вернулся? – спросила барышня, не оборачиваясь и не прерывая своего занятия. – Забыл чего?

– Нет, – ответил Кунцевич. Он засунул револьвер за пояс и, расставив руки, направился к воровке.

Дама обернулась, ахнула, вскочила и замахнулась косарем.

Мечислав Николаевич попытался увернуться, но сделать это у него не получилось. Левое плечо обожгла боль. Женщина замахнулась еще раз, но нанести второй удар не смогла – надзирателю удалось перехватить ее руку. Кунцевич что есть силы сжал кисть барышни, и нож упал на пол. Сыщик отпустил даму и теперь стоял напротив нее, тяжело дыша и зажав рукой кровоточащее плечо. «Сюртук порезала, зараза!» – только и успел он подумать, как дамочка снова бросилась на него. Натиск барышни был столь стремителен, что на ногах надзиратель не удержался. Женщина прижала его к полу и схватила обеими руками за шею. Кунцевич долго не мог заставить себя ударить даму по лицу, и только когда понял, что она его сейчас задушит, отвесил ей правой рукой размашистую оплеуху. Хватка на горле ослабла. В это время кто-то схватил женщину сзади за волосы, с силой потянул, она закричала и совсем отпустила Кунцевича. Он долго не мог отдышаться, тер горло. Наконец встал с пола и увидел, что Быков связывает женщину веревкой. Воровка не успокаивалась, так и норовила вырваться и укусить Митю. Несколько раз она получила от него пощечины. Кунцевич поспешил на помощь коллеге.

Наконец женщина, видимо обессилев, успокоилась.

Быков распрямился:

– Ты как?

– Плечо эта курва мне порезала.

– Дай погляжу. Ого! Неплохо она тебя саданула. С этим, брат, шутить нельзя. Бери извозчика и дуй к доктору, в часть, на Большой проспект. На, – Быков протянул молодому коллеге мятый платок, – рану зажми. После того, как доктор тебя заштопает, езжай домой, на вечерние занятия не ходи, я доложил Жеребцеву, что ты со мной сегодня будешь работать. А эту ведьму я сам к нам доставлю. Все, дуй давай.

На утреннем совещании ни Быкова, ни Тоши не было. На службу они явились только во второй половине дня. Вид у обоих был довольный. Быков достал из кармана бумажник.

– Ну, брат, все прошло великолепно! Вот твоя «катенька» и червонец сверху, за поранение. Все купцы раскошелились, кроме одного уroda, – надзиратель выругался. – Ну он у меня еще попляшет!

Глава 6

7 октября на утреннем совещании Жеребцов дал Кунцевичу первое серьезное самостоятельное поручение:

– Некто Соловьев, обер-кондуктор Николаевской дороги, присвоил вверенные ему полторы тысячи казенных денег и исчез. Правление очень просило его найти, чтобы наказать примерно, дабы другим неповадно было. Поищите Соловьева, а если найдете и остатки денег, так вообще будет хорошо. Дознание возьмите в канцелярии.

– Слушаюсь.

Из дознания выяснилось следующее: Соловьев руководил кондукторской бригадой на пассажирском поезде Санкт-Петербург – Москва – Санкт-Петербург. День у бригады уходил на поездку из одной столицы в другую, день она отдыхала, затем возвращалась обратно и отдыхала вновь.

Третьего дня, перед отправкой поезда из Москвы в Питер, обера пригласили к начальнику Николаевского вокзала. У того на руках находилась 1428 казенных рублей, которые нужно было спешно переправить в Петербург. Соловьев расписался в книге, получил сверток с деньгами, доехал до столицы, попрощался с кондукторами, объяснив, что ему нужно срочно в правление, и был таков. С этого дня на службе его не видели.

Розыск Кунцевич решил начать с опроса подчиненных пропавшего обера. В бригаде было четверо кондукторов.

Трое из них на вопросы сыщика отвечали неохотно и ничего нового по делу не сообщили. Четвертый – Ивакин, сорокалетний мужичок двух аршин росту, оказался более разговорчивым.

– Я их благородию, господину начальнику сборов, давно докладывал, что Сашка порочного поведения, только не слушали они меня. И вот, нате! Преступление-с! А я говорил!

От словоохотливого кондуктора Кунцевичу стало известно, что Соловьев поступил на службу по протекции. Дядюшка пропавшего обера занимал такое видное положение в МПС, что его просьбу устроить племянника на какую-нибудь хорошую должность правление дороги игнорировать не могло. Но поскольку племянник высокопоставленной особы имел только начальное образование и не имел никакого опыта работы, максимально высокая должность, на которую его можно было назначить без риска для подвижного состава и пассажиров, была должность кондуктора. По настоянию дяди, Соловьев сразу же был произведен в оберы, заняв место, уже давно обещанное Ивакину. Кондуктор-недомерок затаил на конкурента злобу, поэтому-то и был сейчас так откровенен с сыщиком.

– Пьяница он был, Сашка-то. Завсегда после отдыха на службу с запашком являлся. Другого бы давно уволили, а этому все с рук сходило. А в последний раз вообще пьяным пришел. Я ревизору движения об этом сразу доложил, но тот только рукой махнул. Сашка в багажном вагоне спать завалился и до самого Бологого проспал. А там сходил в буфет, принес бутылку и с багажным кондуктором ее и оприходовал. Как потом оказалось, с горя пил! Дяденьку-то его взашей с дороги погнали и, говорят, даже под домашний арест посадили! Вот Сашка и закручинился. А еще, говорят, ему в карты здорово сюртук почистили.

– В карты? Он играл?

– Врать не буду, ваше благородие, наверное не знаю. Только Струнников, багажный наш, мне говорил, что Сашка ему жалился о том, что нагрели его в «стуколку» в «общедоступке», и сильно нагрели.

Взяв в правлении фотографическую карточку Соловьева, Кунцевич отправился на Фонтанку, в дом 86, в котором располагался «Зал общедоступных увеселений», принадлежавший купцу второй гильдии Абраму Лейферту.

Извозчик остановил пролетку напротив деревянных, украшенных резьбой и пестро расписанных масляной краской ворот. На улице уже стемнело.

Сыскной надзиратель прошел через грязный двор между двумя длинными двухэтажными флигелями старинной постройки. По обеим сторонам крыльца висели сильные рефлекторные фонари, кидавшие в лицо входящим потоки яркого света. Сразу у входной двери располагался гардероб, в который стояла очередь. Кунцевич прошел мимо и направился в залу. Дорогу ему преградил детина, ростом чуть меньше сажени.

– Надобно пальто снять, милостивый государь, у нас в помещениях не холодно.

Мечислав Николаевич сначала хотел возразить, но потом подумал, что в пальто будет выделяться среди публики, и решил не спорить.

Раздевшись, он во второй раз попытался пройти мимо детины:

– Билет надобно взять, сударь.

– Я по службе, – сказал Кунцевич, доставая из кармана полицейскую карточку.

Детина на нее даже не взглянул.

– У нас порядок такой: входить только по билетам, по службе али по дружбе, без разницы.

Надзиратель возмутился:

– Позови-ка немедленно хозяина!

– Хозяин человек занятой, и со всяким... посетителем говорить ему недосуг. Прошу покорно в кассу али – оревуар!

От наглости служителя и от своего бессилия Кунцевич растерялся. «Драться с ним, что ли? Так навешает, вон у него какие кулачищи! Пристрелить? Хочется, да нельзя. Купить билет? Теперь ни за что, даже если продадут за две копейки».

Мечислав Николаевич развернулся, взял в гардеробе пальто, оделся и вышел на улицу.

Четыреста сажений, отделявших «общедоступку» от дома 70 по Гороховой, где располагался третий участок Московской части, он преодолел почти бегом.

– Мне бы пристава, – сказал сыщик дежурному околоточному, показывая карточку.

– Может, дежурный помощник сойдет? – спросил тот, внимательно ее рассмотрев.

– Сойдет.

Околоточный ушел и вскоре вернулся:

– Пройдите в канцелярию, первая дверь справа по коридору.

В канцелярии за столом читал какие-то бумаги полицейский офицер.

– Младший помощник пристава штабс-капитан Ланге, – представился он, слегка прижав со стула. – Чем могу служить?

– Кунцевич, надзиратель сыскной полиции. На вашей земле есть такое заведение «Зал общедоступных увеселений», мне надобно туда попасть по службе, а тамошний швейцар не пускает, билет требует.

– Одному или с дамой?

– Не понял?

– Вам пройти надо одному?

– Конечно, одному, я же говорю – по службе.

– Демидов, «общедоступка» это твой околоток? – крикнул помощник пристава околоточному.

– Мой, ваше благородие, – ответил тот, заглядывая в кабинет.

– Сходи, проверь посты и заодно сыскному помоги.

– Слушаюсь.

Всю дорогу околоточный молчал, шел неторопливо.

В «общедоступке» он сказал швейцару: «Пусти его, Витя», развернулся и был таков. Кунцевичу сначала показалось, что швейцар околоточного вообще не услышал. Но когда он направился ко входу в заведение, швейцар отошел в сторону.

Помещение представляло собой анфиладу комнат, уставленных маленькими столиками. Воздух в них был пропитан табачным дымом, запахом пива и дешевой косметики. В наполненных публикой комнатах стоял гул голосов. Некоторые посетители бесцельно бродили, некоторые сидели за столиками.

Широкая дверь в конце анфилады вела в танцевальную залу. Ее окна были завешаны желтыми шелковыми гардинами, а потолок был расписан узорами в псевдорусском стиле. Вдоль стен залы стояли ряды венских стульев, а в углу находилась большая белая ниша в форме раковины, где сидел оркестр человек из пятнадцати. По зале парами ходили женщины, мужчины же предпочитали стоять или сидеть вдоль стен и наблюдать за ними. Музыканты настраивали инструменты.

Капельмейстер взмахнул смычком, и оркестр оглушительно заиграл какую-то польку. Пары завертелись.

Кунцевич вышел из залы и сел за столик. К нему тут же подлетел официант.

– Принесите чаю.

– Слушаюсь.

– Любезный, а где тут у вас играют?

– Играют? В зале, оркестр играет.

– Вы не поняли, где в карты играют?

– В карты у нас не играют, не разрешено-с.

– Играют, играют, я совершенно точно знаю.

Официант, ничего больше не ответив, ушел. Через несколько минут к столику подошел человек небольшого роста с жидкими волосами и бороденкой, а за спину Кунцевичу встали швейцар и детина в лакейской ливрее, не уступавший швейцару ни ростом, ни шириной плеч.

– Купец второй гильдии Лейферт. С кем имею честь?

– Надзиратель сыскной полиции, не имеющий чина, Кунцевич.

– Вы почему, господин, не имеющий чина, за вход не платите?

– Я сюда не танцевать пришел, а по служебному делу. Ищу некоего Соловьева, который на днях проигрался здесь в пух и прах, а сейчас...

– Я не знаю и знать не хочу никаких Соловьевых! – прервал Кунцевича Лейферт. – За вход в мое заведение установлена плата. Платят у меня все. И из сыскной, и даже из градоначальства. А кто не платит, того я прошу выйти вон. И вас я также прошу выйти вон. Прямо сейчас. За чай можете не платить, вам его все равно не подадут.

Кунцевич побагровел.

– Ты как разговариваешь с дворянином, – сказал он, вставая, – жидовская морда! A pîes cî morde lîzal!

Швейцар и его напарник действовали молниеносно. Лакей одной рукой обнял сыскного надзирателя, да так, что ребра затрещали, а второй закрыл ему рот. Швейцар быстрым движением вытащил из-за ремня брюк «бульдог» сыщика и сунул его в свой карман.

Кунцевича куда-то понесли, открылась дверь, Мечислава Николаевича поставили на ноги, последовал сильный толчок, и надзиратель оказался на улице. Вслед полетели его пальто и котелок. Швейцар ловко отщелкнул барабан «бульдога», высыпал в свою огромную ладонь патроны, а револьвер бросил на лежащее на земле пальто.

– Чтобы ноги твоей больше здесь не было, – сказал он и захлопнул дверь черного хода.

Придя на службу, Кунцевич принялся составлять подробный рапорт. Он едва успел закончить свое занятие, как его вызвал Вошинин.

– Кунцевич, вы считаете себя опытным сотрудником? – было видно, что начальник едва сдерживается, чтобы не заорать.

– Никак нет-с.

– Так какого черта вы полезли к Лейферту без билета, с оружием, ни с кем не посоветовавшись?

– Вот рапорт, ваше высокородие, там все написано. У меня было поручение о розыске обер-кондуктора Соловьева, присвоившего казенные деньги, я установил, что Соловьев проигрался в «общедоступке» и наверняка казенные деньги туда принес, отыгрываться. Я решил проверить...

– Вам тридцати копеек было жалко? – перебил начальник.

– Нет-с, но я же по службе, не развлекаться.

– Вы знаете, кто такой Лейферт?

– Скотина.

– Кхм. Я думаю, что если вы отделаетесь арестом, то это для вас будет очень хорошо.

– Арестом? – опешил сыскной надзиратель. – За что? Это Лейферта надобно арестовывать за организацию азартных игр, а его клуб закрывать. Облаву надо снарядить...

Воинин все-таки не удержался и заорал:

– Кого куда надо снарядить, позвольте решать мне! Это первое. – Он понизил голос. – Второе. Рапорт порвите и спустите в ватерклозет. О том, что кто-то играл в карты в «Зале общедоступных увеселений», забудьте навсегда. Это третье. Соловьева в «общедоступке» больше не ищите. Это четвертое. Ну и последнее: арест будете отбывать в Александро-Невской части, нашего брата туда определяют. Вам как дворянину, не имеющему чина, на пропитание будут отпускать что-то около гривенника в день. Смотритель входит в положение и разрешает столаться за свой счет, поэтому не плохо бы вам иметь с собой денег на провиант.

– А избежать ареста никак нельзя?

– Возьмите с собой теплые вещи, там прохладно. Я постараюсь минимизировать срок. Все, вы свободны.

– Разрешите вопрос?

– Нет!

– Да, брат, наделал ты делов. – Быков отхлебнул пива.

– Я ничего не понимаю! Я же поручение исполнял, вора искал. Я же нарушения у них выявил!

– Дурак ты, брат. Про часы со мной советовался, а здесь не стал? Опыта набрался?

– И ты про это. О чем советоваться-то надо было?

– А о том, куда ходить и с кем ругаться. Лейферт – лучший друг Иван Николаевича, и дружат они на возмездной основе, об этом весь Петербург знает.

– Да кто это такой, Иван Николаевич?

– Да, совсем ты плох! Иван Николаевич Турчанинов – помощник градоначальника, тайный советник. Этот чин его положению соответствует полностью. Он дает Грессеру такие хорошие тайные советы, что без этих советов Грессер уже жить не может. А также не могут жить несколько знакомых балерин Грессера, на содержание которых уходит львиная доля этих советов. Понял?

– Ничего не понял. – Кунцевич замотал головой.

– Хорошо. Буду выражаться предельно ясно. Азартные игры у нас запрещены. Но все, кто хочет, играют. Ты никогда не задавался вопросом, почему в одних местах играть можно почти в открытую, а в других строжайше запрещено?

– Я думал, везде запрещено. Сам-то я не играю, не на что.

– И не вздумай начинать, даже если будет на что. Так вот. Есть несколько мест, которые никто из полицейских никогда не проверяет. Но за такое попустительство хозяева этих мест дают мзду. Кто кому. Лейферт, например – Турчанинову. Тот делится с градоначальником. А ты Лейферта – жидовской мордой! Теперь понял?

Надзиратель растерянно глядел на старшего товарища:

– Теперь понял. И что же, ему все с рук сходит?

– Конечно! При такой поддержке, брат, с рук не только организация притона азартных игр сойдет, но и все что угодно, ну, разве кроме покушения на священную особу государя императора...

Сыщик загрустил:

– Так меня, пожалуй, теперь уволят...

Кунцевич отделался тремя сутками ареста. Как чин полиции, он содержался отдельно от остальных арестантов, в «секретной» камере. Сильно кусали клопы, поэтому спал он плохо. В остальном все прошло сносно, он даже один раз ночью пил водку с дежурным помощником смотрителя полицейского дома. Но на душе было очень скверно.

Глава 7

В 1889 году в Петербурге, который населяло в то время около миллиона человек, было зарегистрировано 55 убийств и покушений на убийство. Обычно эти преступления раскрывались полицией в течение десяти минут после прибытия на место происшествия. На полу грязной лачуги или трактира лежал труп с пробитой обухом топора головой, рядом валялись и орудие преступления, и пьяный в стельку преступник. Если злодей после совершения преступления мог держаться на ногах и скрывался до прибытия чинов полиции, то на его розыск уходил день-другой, необходимый для проверки разных притонов и питейных заведений в ближайшей от места происшествия округе. Сыскная полиция проводила дознания только по таким убийствам, которые были совершены «с заранее обдуманном намерением» и раскрыть которые «по горячим следам» не представлялось возможными. Но таких преступлений в процентном отношении к общему числу убийств было крайне мало. Например, за первые десять месяцев 1889 года сыскная провела только четыре дознания по убийствам. Такие преступления относились к числу чрезвычайных происшествий. А уж если было убито несколько человек, да из благородных, да с хищением имущества, то тут на ноги поднимали всех. Вот почему, когда 21 ноября 1889 года в квартире отставного генерал-лейтенанта Штрундмана были обнаружены трупы его жены и горничной, недостатка в высоких чинах на месте происшествия не было.

Жеребцов их с Быковым в квартиру не пустил:

– Там и без вас народу хватает. А вы давайте-ка по соседям пройдитеесь, поспрашивайте, не видели ли они чего, – сказал чиновник для поручений и скрылся за дубовыми дверями генеральского жилища.

Быков передвинул свой «пирожок» со лба на затылок.

– В доме четыре этажа, три парадных, на дворе – два флигеля, эх, до вечера придется ходить. Но деваться некуда. Давай-ка, Мечислав, начинай с флигелей, а я этой парадной займусь, да и с дворниками потолкую.

Убийство было совершено в промежуток с девяти утра до трех дня – в то время, когда генерал, занимавший в каком-то обществе почетную должность неперменного члена, находился в присутствии.

Дом был заселен преимущественно людьми небедными, угловых квартир не было даже во флигелях ³. Кунцевич уже час ходил по черным лестницам, стучал в закрытые двери кухонь, общался с прислугой, но ничего интересного для розыска ему вывести так и не удалось. Кухарки и горничные, узнав о случившемся в доме происшествии, всплескивали руками, ахали и норовили задать с десятков вопросов, не отвечая при этом на вопросы сыскного надзирателя. Когда же окриком беседу удавалось вернуть в нужное русло, прислуга скучнела, становилась несловоохотливой и на вопросы отвечала односложно: «Не знаю, не видала, мне за другими следить недосуг, я с утра до вечера как белка в колесе кручусь». Обойдя флигели, Кунцевич отправился в генеральскую квартиру за дальнейшими инструкциями.

В многокомнатном жилище никого из сыскной он не встретил – квартира была наполнена чинами судебного ведомства и наружной полиции. У входной двери стоял городской, местный пристав и частный врач в распахнутых шинелях сидели на кухне и курили, в гостиной следователь вслух читал понятым протокол осмотра места происшествия:

³ Угловая квартира – квартира, в которой в найм сдавались не комнаты, а «углы» – койко-место. Иногда население двухкомнатной угловой квартиры доходило до семидесяти человек.

– «По заключению врача смерть госпожи Штрундман последовала не ранее чем за три часа до обнаружения тела от удара твердым тупым предметом в область головы. Смерть девицы Грачевой наступила в это же время, от удара острым предметом».

Увидев Кунцевича, судейский прервал чтение:

– Вам что здесь нужно, милостивый государь? Вы, вообще, кто?

– Надзиратель сыскной полиции Кунцевич, ваше высокородие. Проводил поквартирный обход домовладения, ищу начальство, чтобы доложить о результатах.

– Да будет вам известно, молодой человек, что начальством на месте происшествия для всех чинов полиции является следователь. Поэтому о результатах ваших розысков вы должны докладывать мне.

– Слушаюсь! Докладываю: ничего интересного для следствия в ходе обхода выяснить не удалось.

– Господи, ну чего же вы мне тогда голову морочите! Зачем от дела отрываете? Вам заняться нечем? Тогда, будьте любезны, спросите у хозяина какую-нибудь коробку, в которую можно вещественные доказательства упаковать. – Следователь показал на лежавшие на столе предметы: небольшой топорик с бурыми следами на лезвии и молоток, к которому прилип клоч седых волос.

– Слушаюсь!

Надзиратель направился на поиски хозяина. Нашел он его в кабинете. Штрундман сидел в глубоком кресле, запрокинув голову, и, казалось, спал. Рядом стоял седовласый старик.

– Што? Што ви хотите? – спросил он свистящим шепотом.

– Мне бы коробку какую... следователь просит...

– Идите, идите! Его превосходительство очень плох, я давал лекарство, он только что засипаль, идите!

Кунцевич развернулся и вышел из комнаты. Дверь в соседнее помещение была отворена. Заглянув туда, надзиратель увидел, что это будуар хозяйки. На полу стояла большая шляпная коробка. Мечислав Николаевич открыл крышку, убедился, что коробка пуста, и, недолго думая, взял коробку и понес следователю.

Тот сухо поблагодарил и стал укладывать в нее орудия преступления, перед этим вытащив из коробки и положив на стол какую-то бумажку. Кунцевич скосил на нее глаза. Это был счет из шляпного магазина мадам Паперне, датированный сегодняшним числом.

– Ваше высокородие!

– Чего вам? – недовольно спросил следователь, отрываясь от своего занятия.

– Вот-с. – Сыщик протянул судейскому счет. – Шляпку доставили сегодня.

– Что? Какую шляпку? – Следователь внимательно рассмотрел осьмушку бумаги. – Да-с, верно! А вы молодец, молодой человек. Лицо, доставившее шляпку, следует непременно установить и допросить. Найдите свое начальство и скажите ему, что я распорядился это сделать как можно скорее. Жеребцов должен быть сейчас в дворницкой, они, кажется, нашли каких-то свидетелей.

Но Жеребцова Кунцевич в дворницкой уже не застал. Там были только дворник и двое его подручных. Испуганные мужики молча сидели за столом.

– А все ваши уже уехать изволили, ваше благородие! – сообщил дворник. – Поехали Евлашку ловить.

– Какого Евлашку?

– Дык бывшего енералова лакея. Это ведь он душегубом-то оказался!

На Офицерской ни Быкова, ни Жеребцова тоже не было.

– А они куда-то в Коломну уехали, – сообщил дежурный. Потом с недоумением уставился на Кунцевича: – Позвольте, вы же с ними должны были быть?

– Я... Я от них отстал – смутился надзиратель.

Дежурный усмехнулся.

– Я даже не знаю, что вам посоветовать. Точного адреса, по которому они направились, я вам сообщить не могу – сам не знаю, а никаких распоряжений насчет вас не было. Поэтому предлагаю сидеть на месте и их дожидаться.

Кунцевич направился было в надзирательскую, но спохватился.

– Скажите, а если следователь мне поручение дал, я должен его исполнять, или прежде нужно уведомить Жеребцова?

– А что за поручение?

Кунцевич рассказал.

Дежурный задумался.

– Вообще-то, надобно Аполлона Александровича уведомить... Но раз его нет, то я бы вам посоветовал это поручение исполнить. Все лучше, чем без дела сидеть. Да и будет чем оправдаться. – Дежурный опять улыбнулся.

Шляпный магазин мадам Паперне находился в первом этаже дома номер 88 по Невскому. Судя по витринной выставке, это было шикарное и дорогое заведение.

Как только сыщик переступил порог, к нему подбежала миловидная продавщица.

– Бонжур, месье! – проворковала она, обольстительно улыбаясь. – Чем могу служить?

– Здравствуйте, мадмуазель. Мне бы с хозяйкой поговорить.

– Как прикажете доложить?

Кунцевич показал значок:

– Сыскная полиция, Кунцевич.

Улыбка исчезла с лица барышни.

– Извольте присесть. – Она указала на стоявшее у окна кресло и удалилась. Вернулась быстро.

– Изабелла Людвиговна ждет вас у себя, – сказала продавщица, забирая у сыскаго надзирателя котелок.

Войдя в кабинет владелицы магазина, сыщик поклонился.

Изабелла Людвиговна – сорокалетняя молодящаяся француженка – встала из-за стола и направилась к Кунцевичу, протянув руку для поцелуя.

– Чем обязана визиту сыскаго полиции, месье? – слегка грассируя, спросила хозяйка.

Кунцевич коснулся губами шелковой перчатки:

– Мадам Паперне, ваши служащие сегодня доставляли шляпку мадам Штрундман, на Фурштаттскую?

– Да, Екатерина Львовна наша постоянная покупательница. Дама состоятельная, но капризная. Вчера она примерила у нас несколько шляпок, но не купила ни одной. А ближе к вечеру телефонировала и попросила принести одну из примеренных. Я послала Катю, та вернулась со шляпкой и сказала, что мадам она опять не понравилась. Сегодня Штрундман телефонировала снова и попросила прислать еще одну. Я снова послала Катю, и в этот раз, слава Богу, Штрундман шляпку купила.

– А что за Катю вы к ней посылали?

– Мою продавщицу, Мельникову Катерину.

– Можно с ней пообщаться?

– Можно. – Изабелла Людвиговна позвонила. – Только к чему все эти вопросы? Почему сыскаго полиция вдруг заинтересовалась моими шляпами?

– Позвольте пока не говорить. Я удовлетворю ваше любопытство, но только после того, как пообщаюсь с Мельниковой.

Мадам Паперне отдала явившейся на звонок продавщице необходимые распоряжения, и через пару минут в кабинет вошла...

Увидев барышню, Кунцевич аж зажмурился – до того она была хороша. С точеной фигуркой, в скромном, но красивом платье. С густыми волосами цвета воронова крыла, уложенными в высокую прическу. А глаза! В этих глазах сыщик сразу же утонул.

Продавщица сделала книксен.

– Катя, этот молодой человек из сыского отделения пришел по твою душу. Правда, зачем ты ему понадобилась, он не говорит.

Мельникова повернула голову в сторону сыщика и улыбнулась:

– К вашим услугам, милостивый государь.

Голос барышни отозвался в ушах сыского надзирателя хрустальными перезвонами.

– Надзиратель сыской полиции Кунцевич Мечислав Николаевич. Вас как по батюшке?

– Степановна. Катерина Степановна.

– Очень приятно. Катерина Степановна, вы сегодня ходили на Фурштадтскую к мадам Штрундман?

– Да-с. Шляпку носила.

– А в котором часу вы изволили у нее быть?

Мельникова на секунду задумалась, опустив глаза.

– В одиннадцатом. В десять мадам приказала мне нести шляпку, минут двадцать – полчаса я шла. Стало быть, пришла около половины одиннадцатого.

– Госпожа Штрундман была дома?

– Да-с. Они шляпку примерили, она им понравилась, они изволили расплатиться, и я ушла.

– Сколько времени вы находились в квартире?

– С полчаса. Генеральша шляпку долго мерили.

– Кто еще был у ее превосходительства?

– Никого. То есть горничная была, она мне открывала и закрывала за мной.

– Посторонних никого не видели? В квартире или около нее?

– Нет.

– Благодарю вас.

Кунцевич склонил голову в поклоне.

Продавщица опять сделала книксен.

– Я могу идти? – она вопросительно посмотрела на сыщика. – А то мне еще на Васильевский остров надо заказ отнести.

– Да, да, пожалуйста, идите.

– Возьми извозчика, Катюша, – проворковала Изабелла Людвиговна – на улице снег начался.

Госпожа Паперне достала из кошелька полтинник и протянула продавщице.

Мельникова сначала с удивлением уставилась на хозяйку, потом опомнилась, поблагодарила и удалилась.

Когда за Катей закрылась дверь, владелица магазина обратилась к сыщику:

– Теперь я могу узнать причину вашего визита?

Первым, кого увидел Кунцевич, зайдя в сыскую, был Быков. Приятель на него буквально набросился:

– Тебя где черти носят?

– Мне следователь поручение дал, я исполнял...

– Мечислав, ты что, не знаешь, кто у тебя начальство? Почему Жеребцову не доложил? Скажи спасибо, что ему сейчас не до тебя. Если честно, он про тебя и не вспомнил ни разу. И все благодаря мне. Открыл я убийство-то!

Кунцевич вытаращил глаза:

– Открыл? Как?! Кто?!

– Открыл, брат, Открыл. Ты давай-ка покажись Жеребцову, а потом пойдем в трактор, пообедаем, я тебе все и расскажу.

Быков налил рюмку водки, выпил, крикнул и стал хлебать щи.

– Ну же, Митя, рассказывай! – Кунцевич от нетерпения не мог ни есть, ни пить.

– Да дай же поесть спокойно! Экий ты, брат, нетерпеливый. – Быков доел щи, отодвинул от себя тарелку, покосился на «сороковку», махнул рукой и налил себе еще рюмку.

– Все дело в статистике, – сказал он, опрокидывая водку. – Недаром мы, брат, отчеты ведем и карточки разные заполняем, ох, недаром, хотя времени это занимает уйму. А что нам говорит статистика, а? Не знаешь? А статистика говорит нам, брат, что большинство убийств в богатых квартирах совершается прислугой хозяев. Служит какой-нибудь лакей или горничная, служит своим господам, потом – бах! Отставка. Или с хозяйкой поругается, или недосчитаются в доме чего. Оказывается такая прислуга неожиданно без места и без всяких средств, вот зло и начинает таить. Бывает и по-другому – хозяева к своему человеку всю возможную ласку и доброту высказывают, а он, сучье семя, все равно их своими врагами считает, потому как завидует. Они, дескать, всегда кушают сытно и пьют сладко, а тут служишь им с утра до вечера, рук не покладая, а платят тебе за это десять рублей. Поэтому я, как мы только на место прибыли, решил разузнать, не было ли у убиенной генеральши какого казуса с прислугой. Зашел я в дворницкую, да все там и вызнал. Оказывается, служил у мадам Штрундман до конца минувшего месяца некий Евлампий Чистов. Служил с полгода, нареканий не имел, и тут, неожиданно, барыня ему от места отказала. Вышел промеж них скандал – в краже она его заподозрила. Евлашка ни в чем не сознавался, называл барынины претензии наветом, а после отставки несколько раз к генеральше пьяным приходил и денег требовал, считал, что должна она ему осталась. Последний раз у них до полиции дошло – хозяйка горничную за дворником посылала, чтобы он лакея бывшего утихомирил. Скрутили его дворник с подручными и в часть сдали, он там сутки в холодной просидел. А сегодня поутру дворник его опять во дворе видел, и опять пьяного. Божится, что выгнал взащей. А Чистов, видать, вернулся и незаметно в дом проскользнул. Доложил я обо всем Жеребцову, узнали мы в адресном столе нынешнее Евлашкино место жительства, поехали в Коломну, он там на Псковской угол снимает, и взяли его тепленьким. Точнее, не тепленьким, а пьяным вдрызг. Сейчас он у нас в кордегардии в себя приходит.

Кунцевич перебил старшего товарища:

– А почему ты думаешь, что это непременно Евлампий убил? Ну поругался он с барыней, ну заходил сегодня во двор, дальше что? Может, как его дворник прогнал, так он больше туда и не возвращался?

– Мечислав Николаевич! Вы, прежде чем спрашивать, до конца дослушайте. Вы думаете, стал бы я вам об успешном розыске докладывать и водку в эту честь пить, если бы не было бы у нас против Евлашки чего существенного, а? Плохо тогда вы меня знаете. Прежде всего следы. У него на ноге правый носок – весь в крови. Сапоги-то он от крови отмыл, а вот носок нет. На носок внимания не обратил и то, что он в крови вымазан, не увидел. Зато я увидел. Сразу, как только зашли мы к нему в комнату, я этот носок и узрел. Далее. Сундук у него под кроватью стоит, в котором хранит он свое имущество. На замок, гад, закрывал! А ключик на веревке на шее таскал, вместе с крестом. Снял я аккуратненько этот ключик, открыл замочек, порылся

в Евлашкином барахле и нашел! Полдюжины серебряных ложек и серебряную же солонку. Откуда они, спрашивается, там?

– Так эти вещи у генерала были похищены?

– Конечно! Генерал, правда, эти ложки и солонку за свои не признал – он на столовую посуду никакого внимания не обращает, но рассказал, что супруга-покойница как раз на пропажу столового серебра ему и жаловалась, и лакея Евлампия Чистова в этом подозревала. Теперь ждем генералову кухарку. Хозяин ее в отпуск отпустил, у них сегодня в селе престольный праздник. Завтра должна возвратиться, а как воротится – мы ей ложки и предъявим, и если она их опознает, в чем лично я не сомневаюсь, то уж не отвертеться Евлампиию от каторги. Так-то.

Быков налил третью и тут же выпил.

Кухарка опознала ложки, и, несмотря на то, что проспавшийся Чистов виновным себя не признавал, следователь заключил его под стражу. Впрочем, судьба Евлампия мало беспокоила Кунцевича. Его мысли были заняты совсем другим объектом. Сыскной надзиратель влюбился.

Глава 8

Магазин закрывался в девять вечера – а в это время Кунцевич должен был находиться на службе. Пришлось ею пренебречь. В субботу, выдумав благовидный предлог, сыскной надзиратель ушел с вечерних занятий и в половине девятого уже прохаживался у дома 88 по Невскому проспекту.

Барышню он чуть не проглядел – темновато было на улице, да и в шубке он ее раньше не видел.

Катерина Степановна вышла из магазина в половине десятого, посмотрела по сторонам, быстро пересекла Невский и повернула на Николаевскую. Кунцевич едва ее догнал.

– Катерина Степановна! Катерина Степановна!

Барышня остановилась и повернулась в сторону надзирателя. В ее глазах мелькнул испуг.

– Здравствуйте, – сказал Кунцевич, останавливаясь перед барышней. – Уф! Бегом за вами бежал. Куда вы так спешите?

– Известно куда. Куда в такой час может спешить девушка – домой. А иду скоро, так это потому, что много развелось разных нахалов. Пристают, отбою от них нет.

Хоть такой холодный прием и смутил сыщика, он не растерялся.

– Вот тут вы правы, нахалов в столице полным-полно. Порядочным барышням действительно вечером страшно по улицам стало ходить. К нам, знаете, сколько жалоб поступает! Начальство даже приказ нам дало – провожать барышень домой, дабы огородить их от приставаний.

Катерина рассмеялась:

– Ну уж раз начальство вам приказало, то так и быть – провожайте.

Неожиданно для Мечислава Николаевича Катерина Степановна пригласила его к себе, на чай. Жила продавщица шляп в меблированных комнатах на углу Николаевской и Свечного переулка. Жилище барышни было маленьким, но чистеньким и опрятным. Коридорный принес самовар, хозяйка разлила чай по чашкам, Кунцевич выложил на стол купленные по дороге баранки и пастилу.

Сидели и болтали о пустяках.

Вдруг Катя спросила:

– Мечислав Николаевич, а злодея, который мадам Штрундман убил, нашли?

– Нашли-с. И арестовали. Я, некоторым образом, принимал в этом участие, но многого сказать не могу. Тайна следствия-с.

– Ой! Вы знаете, как мне стало страшно после того, как Изабелла Людвиговна мне про убийство рассказала. Задержись я чуть подольше, он бы мог и меня... Я как об этом подумаю, так спать не могу. Кто же убийца?

– Нам говорить не положено, но вам, так и быть, скажу. Бывший лакей. Убил и ограбил.

– А много ли ограблено?

– Много-с. Десять тысяч. Хозяин накануне вынул деньги из банка, собирался прикупить имение в Новгородской губернии.

– Скажите, пожалуйста! А как же вам удалось найти злодея?

– Все дело в опыте. Как говорил поэт – опыт, сын ошибок трудных. Видите ли, милостивая государыня, по статистике...

Время приближалось к полуночи. После того, как Катя несколько раз выразительно посмотрела на настенные часы, сыщик стал собираться.

– Пойду-с.

– Ступайте, приятно было познакомиться.

– Мне тоже.

Пока он надевал пальто, Катя держала в руках его котелок.

– Могу ли я рассчитывать на продолжение знакомства? – спросил Кунцевич.

– Почему нет. Заходите.

– Скажите, а вы театр любите?

– Люблю-с.

– Тогда, может быть, в следующее воскресенье сходим?

– С удовольствием.

Отношения у них развивались ни шатко ни валко. Катя сходила с ним в театр, позволяла иногда вечерами провожать ее до дома, с удовольствием принимала подарки, но в гости больше не приглашала. Кунцевич страдал.

Впрочем, часто встречаться с зазнобой у сыскного надзирателя не получалось – сильно мешала служба. Вот и сегодня он вместо того, чтобы спать дома после суточного дежурства, трясся в вагоне конки, направляясь на Литейный в Окружной суд к судебному следователю на допрос по делу Штрандман.

И вдруг у подъезда суда он встретил Катерину Степановну.

Увидев сыщика, Катя аж вздрогнула от испуга, но тут же пришла в себя и протянула для поцелуя руку.

– Здравствуйте, Катенька. – Кунцевич приложился к холодным пальчикам. – Вы как здесь?

– Вызывали.

– К Веберу, по убийству?

– Да.

– Долго он вас пытал?

– Да почитай час. Пойду я, Мечислав Николаевич, а то хозяйка и так ругается. Вы вечером сегодня не заглянете?

– С удовольствием.

– Буду ждать.

Счастливый сыскной надзиратель взлетел на второй этаж и, рисуя в голове приятные картины предстоящего свидания, направился к камере следователя десятого участка статского советника Николая Конрадовича Вебера.

Дверь оказалась запертой. Кунцевич несколько раз дернул ручку, а потом обратился к проходившему мимо сторожу:

– Эй, любезный, а где их высокородие, не знаешь?

– На происшествие изволили убыть. Если вас вызвали, то вы обождите.

– Да, долго же мне ждать придется, он ведь только уехал.

– Почему только уехал? Их с самого утра не было.

– Как не было? А барышню кто же сейчас допрашивал?

– Какую барышню? Вы чего-то путаете, милостивый государь. Николая Конрадовича с утра нет, и стало быть, никаких барышень он сегодня допрашивать не мог.

Кунцевич стал растерянно озираться по сторонам.

Потом подошел к окну и прислонился головой к холодному стеклу. В это время к кабинету, тяжело дыша и отдуваясь, подошел Вебер. Его письмоводитель плелся сзади, таща огромный портфель.

– Вы ко мне?

– Да-с, Ваше высокородие. Надзиратель сыскной полиции Кунцевич. Прибыл по повестке.

– Как же, помню, помню. Сейчас, только отдышусь и чайку выпью – и вас приму. Фаддей! – крикнул Вебер уже бежавшему к нему сторожу. – Сооруди чайку. Не изволите со мной? – спросил следователь Кунцевича.

– Благодарю, только пил. Я подожду.

Внимательно прочитав протокол допроса, сыскной надзиратель старательно расписался на каждом листе и передал документ следователю.

– Благодарю вас, – сказал тот, принимая бумаги.

– Разрешите вопрос, ваше высокородие?

– Спрашивайте.

– А вы не допрашивали по этому делу некую Мельникову?

– Мельникову? Не припомню такой. Она кто?

– Она служит в шляпном магазине. Помните, мы счет нашли?

– Счет? А! Ну как же, как же, вспомнил. Я еще вам поручал разыскать курьера, доставившего шляпку. Стало быть, нашли. Как вы сказали, Мельникова? Но позвольте, милостивый государь, как же я мог ее допрашивать, если только что узнал о ее существовании!

Кунцевич смутился.

– Впрочем, надобность в ее допросе отпала. Убийца установлен и задержан, часть похищенного у него изъята, я скоро передам дело прокурору для направления в суд.

– Скажите, ваше высокородие, а что, сознался лакей?

– Нет. Твердит, что не убивал. В краже признался, а в убийстве сознаваться не хочет. Дурак! С таким количеством улик да без чистосердечного признания ему на полную катушку влепят. Дурак.

– А в какой краже он признался, позвольте спросить?

– В краже серебра. Говорит, что воровал по одной-две ложки в месяц, думал, что такие богачи, как Штрундманы, подобные пропажи не заметят. И они действительно долго не замечали. Но когда заметили, Екатерина Львовна его сразу рассчитала, потому что красть кроме него было некому. Он обиделся ну и... История обычная.

– А похищенные десять тысяч нашли?

– Нет, не говорит, гад, куда спрятал.

– А как он объясняет кровь на носке?

– Говорит, что накануне дрался в кабаке и вымазался. Послушайте! Кто из нас кого допрашивает? Вам это все к чему? Хотите поболее узнать, приходите на суд, там все и слушаете.

Кунцевич поспешил откланяться.

Внизу он поманил вертевшегося около шинельной сторожа.

– Послушайте, не могли бы вы оказать мне небольшую услугу? – Кунцевич покрутил между пальцами двугривенный.

– Чего изволите? – спросил сторож, внимательно следя взглядом за монетой.

– Нельзя ли узнать, к кому сегодня вызывали на допрос девицу Мельникову Катерину Степановну?

– Обождите чуток, все будет исполнено, – сказал сторож и вприпрыжку бросился вверх по лестнице.

Вернулся он минут через двадцать.

– Их благородие господин Кобыльский их вызвали, Василий Николаевич. По делу об убийстве мещанки Лебедевой на Петербургской стороне.

Глава 9

С Литейного Кунцевич пошел на Фурштадтскую, а оттуда поспешил в магазин мадам Паперне. Катерины Степановны на службе не оказалась.

– Ее к следователю вызвали, – доложила одна из продавщиц. – Еще не возвращалась.

Кунцевич поспешил на Николаевскую. Хозяин мебелированных комнат его огорошил:

– Уехали-с. Только что, и часу не прошло. Выписались и уехали.

– А куда выписалась?

Хозяин открыл домовую книгу:

– По месту приписки – в Калугу.

Конец дня Мечислав Николаевич провел в Коломенской части, а сразу после начала вечерних занятий пошел в канцелярию.

Журналист Серенко сидел за своим столом и что-то быстро-быстро писал.

– Извините, ваше благородие, нельзя ль узнать?

– А? – Серенко оторвал от бумаги глаза и подслеповато уставился на Кунцевича – Чего вам?

– Нельзя ли узнать, кто у нас розыском по убийству госпожи Лебедевой занимается?

Серенко посмотрел на надзирателя с интересом.

– А вам это, простите, зачем?

– Кой-какие справочки нужно навести, с другим делом связанные.

– Вообще-то у Алексева дознание, только... нет его на службе. В запое-с.

Кунцевич вытаращил на журналиста глаза.

– Да-с, пьет. Уже неделя прошла, три дня осталось. Он регулярно, раз в полгода, в десятидневный запой уходит. Но поскольку других нареканий по службе не имеет, начальство его не увольняет. А запои оформляют отпуском. Вы три дня подождать сможете, не горит? А то скажите Аполлону Александровичу...

– Нет, нет, я подожду.

Всю следующую ночь Кунцевич не спал. После утреннего совещания к нему подошел Быков:

– Мечислав, а ты какого черта убийством Марсельской интересуешься? Нарыл чего?

Кунцевич недоуменно посмотрел на Митю:

– Какой Марсельской?

– Ну не Марсельской, Лебедевой. Марсельская – это ее актерская фамилия.

Кунцевич опустил голову, а потом решительно поднял глаза на Быкова:

– Тебе зачем это?

– Ну, во-первых, пока Алексеев борется с зеленым змием, я этим делом занимаюсь. А во-вторых, – Быков понизил голос, – кое-кто из ее поклонников за открытие убийцы награду обещал. И немаленькую! Так что, если нарыл, рассказывай, а я тебя не обижу, ты меня знаешь.

– Ничего я не нарыл.

Митя внимательно поглядел на товарища.

– Ну нет, так нет. Только зря ты, Мечислав, зря ты от моей помощи отказываешься. Сыскать злодея одному тебе будет ох как тяжело, ну а коли и сыщешь, награда-то мимо тебя пройдет! Ты же не знаешь, как такие вопросы улаживать. А там деньги серьезные, очень серьезные!

Кунцевич решительно мотнул головой:

– Нет, не могу я тебе ничего сказать. Тут дело чести.

– Опа! – Митя смотрел прямо в глаза младшему коллеге – Я понял! Тут дама! Дама замешана! Ну коли так, то прости за беспокойство. Честь женщины – для меня так же свята, как для тебя, хоть я и не дворянин.

Быков круто развернулся и пошел прочь.

– Митя! Постой. – Он догнал товарища. – А дознание по этому делу у тебя?

– У меня.

– Вот гад Серенко, не сказал мне.

– А у нас, милостивый государь, не принято про чужие розыски кому попало докладывать. Тебе про дознание не сказал, а мне про твой интерес сообщил тут же. Так, может, расскажешь, в чем дело-то, а?

– Не могу, Дмитрий, видит Бог, не могу! Дай дознание почитать, а? Клянусь, если убийцу открою – всю награду тебе отдам!

– Ну пошли.

«Его высокоблагородию, господину надворному советнику Вошнину, полицейского надзирателя третьего разряда не имеющего чина Алексеева, рапорт.

В связи с порученным мне розыском по факту убийства мещанки Т. А. Лебедевой, докладываю Вам следующее:

13-го сего августа, около 7 часов вечера титулярный советник Владимир Васильев Семенов приехал на квартиру своей знакомой – шансонетной певицы Татьяны Алексеевны Лебедевой, по сцене Марсельской, снимавшей первый этаж дома № 23 по Большой Дворянской. Несмотря на поданные звонки, входной двери никто не отпирал. Это обстоятельство показалось Семенову подозрительным, так как, заходя к Лебедевой в этот же день двумя часами раньше, он также не мог дозвониться. Ввиду этого, по настоянию Семенова, входная дверь была открыта при помощи слесаря, причем, войдя в квартиру, Семенов обнаружил в первой комнате, направо от передней, на полу уже похолодевший труп Лебедевой с лицом, залитым кровью, и с явными признаками насильственной смерти.

В квартире царил полный беспорядок: все вещи покойной были перерыты и разбросаны.

В передней, около той двери, которая ведет в комнату, на столе, в числе других вещей, лежала шляпка Лебедевой – видимо, сорванная у последней с головы, так как между булавок, прикреплявших шляпу к прическе, был замечен клочок волос. Шляпка была мокрой и покрытой грязью.

Окно в эту комнату оказалось открытым, причем на подоконнике мною был обнаружен грязевой след, оставленный, по-видимому, мужским ботинком среднего размера. Судя по верхней одежде и даже калошам, одетым на покойной Лебедевой, она была убита в момент возвращения домой с улицы. Вблизи трупа было найдено и орудие преступления – утюг со сгустками запекшейся на нем крови и прилипшими к нему длинными женскими волосами.

При осмотре и проверке всего имущества покойной удалось установить, при содействии ее сожителя Семенова, что в вещах Лебедевой недостает бриллиантовой брошки в виде бабочки, стоившей свыше 300 рублей, и золотых часов, которые были подарены Лебедевой Семеновым незадолго до происшествия. Также были похищены наличные деньги в сумме 5000 рублей, которые были оставлены на хранение Лебедевой все тем же Семеновым.

Кроме того, в прикроватной тумбе в спальне была найдена квитанция магазина Л. Брюно (М. Посадская, д. 20) на проданную в это же день дамскую шляпку, Семенов же представил квитанцию магазина Я. Абовича на проданные 11 августа 1889 года дамские золотые часы за № 43112.

Лебедева проживала одна, так как буквально за два дня до произошедшего отпустила ранее служившую у нее прислугу, а новую нанять не успела.

При опросе свидетелей (дворника соседнего дома Баженова и его подручного Чиликина), было установлено, что в тот же день около двух часов дня к Лебедевой приходила барышня – по виду продавщица, так как при ней было несколько шляпных коробок. Пробыв у Лебедевой свыше получаса, барышня вышла на улицу, приветливо попрощалась с дворниками и ушла.

Ввиду этих данных и того обстоятельства, что приехавший менее чем через два часа после визита неизвестной барышни Семенов не смог достучаться до Лебедевой, подозрение в совершении убийства сразу же пало на упомянутую барышню, скрывшуюся неизвестно куда, причем первоначально не было известно ни ее имени, ни фамилии.

Однако подозрения эти вскоре рассеялись. Благодаря квитанции, найденной в квартире убитой, мною был установлен шляпный магазин, в котором, как я выяснил, служит продавщицей означенная барышня. Она оказалась девицей из калужских мещан Мельниковой Екатериной Степановной. В тот день она по приказу хозяйки действительно носила Лебедевой несколько шляпок, и одну из них та купила, но убить Мельникова никак не могла, так как около трех часов дня, то есть через час после ухода продавщицы от артистки, последнюю видела в Александровском парке крестьянка Зеличенко, ранее служившая в одном с Лебедевой кафешантане.

На причастность к этому преступлению проверялась бывшая прислуга Лебедевой – крестьянка...»

Далее на восьми листах убористым почерком рассказывалось о проделанной сыскным надзирателем работе. Рапорт был составлен так ловко, что у читавшего его человека не могло возникнуть ни толики сомнений в компетентности и трудолюбии сыщика, а также в его огромном желании раскрыть убийство. Отсутствие же результата представлялось каким-то малозначительным, досадным недоразумением.

Глава 10

Два следующих дня Кунцевич ходил как мешком по голове ударенный. У него все валилось из рук, он практически ничего не ел. На третий день утром Быков подошел к уставившемуся в потолок товарищу и потормошил его за плечо:

– Мечислав! Мечислав!

– А? – Кунцевич очнулся.

– Спишь, что ли? Мечислав, я смотрю, тебе делать нечего, а у меня наоборот, дел по горло. Не поможешь?

– С удовольствием. А что делать-то надо?

– Будь другом, слетай на Надеждинскую угол Бассейной в трактир Владыкина, передай от меня буфетчику вот эту записку. Мне с ним срочно нужно повидаться, но ко мне, как назло, по одному важному делу люди пришли. Съездишь? Вот тебе три двугривенных на извозчиков.

Когда сыскной надзиратель, выполнив поручение, вышел из трактира, на него буквально налетела какая-то барышня. Налетела, ударила и упала.

– Мама! Мамочка! – закричала барышня, схватившись за ногу.

– Что с вами, сударыня? – взволнованно спросил Кунцевич, склонившись над ней.

– Нога! Болит ужасно! Ай!

– Господи! Сейчас! – Мечислав Николаевич стал вертеть головой в поисках извозчика. Увидев невдалеке санки, он сунул в рот два пальца и свистнул.

«Вейка» подлетел мигом.

– Вы как, встать сможете? – обратился надзиратель к барышне, протягивая руку.

Та оперлась об его руку, попыталась подняться, но лишь застонала.

– Нет, не могу!

Кунцевичу ничего не осталось делать, как взять даму на руки и нежно опустить в сани. Только теперь он разглядел ее внимательно. «Какая хорошенькая!» – восхитился сыщик.

– Гони в больницу! – приказал Мечислав Николаевич чухонцу-извозчику.

– Нет, – подала голос барышня – Никаких больниц. Терпеть их не могу. Везите меня домой. Я здесь неподалеку проживаю, на Кирочной.

Доехали быстро – за каких-то десять минут. Барышня идти не могла по-прежнему. Сыщик мужественно донес ее до квартиры в четвертом этаже. Мадемуазель, представившаяся Надеждой Григорьевной, приказала поставить самовар – сама она ходить не могла, а прислугу не держала. Сначала пили чай, потом Мечислав Николаевич сбегал за мадерой. Когда он вернулся, нога у Наденьки уже совершенно не болела. А потом! Потом...

Быков хоть и ругался, но сердитым не выглядел:

– Ты что, решил на извозчике экономить, пешком ходил? Так все равно уже давно должен был обернуться.

Кунцевич сконфуженно молчал.

– Вот что, брат, пойдем-ка в трактир, пообедаем.

В трактире Митя приказал хозяину выделить им отдельный кабинет и спиртного к обеду нынче не подавать.

Дождавшись, когда половой плотно прикрыл за собой дверь, старший товарищ обратился к младшему:

– Послушайте меня, пожалуйста, внимательно, коллега, послушайте, и прошу, не перебивайте, пока я не кончу. Договорились?

Кунцевич кивнул.

– Значит так. После того, как ты мне о своих изысканиях рассказывать отказался, я решил самостоятельно о них узнать. Поинтересовался у дежурного, чем ты перед тем, как к Серенко пойти, занимался. Среди прочего он мне о вызове тебя к следователю сообщил. От Вебера я узнал про Мельникову, а от Беллочки – о твоём интересе к ее служащей.

– От какой Беллочки? Постой, ты мадам Паперне, что ли, имеешь в виду?

– Что, удивлен, что я Изабеллу Людвиговну Беллочкой зову? А почему, скажи на милость, я ее так звать не могу, коли я ее тыщу лет знаю? Я с ней, брат, познакомился еще тогда, когда она совсем другим способом на хлеб насущный зарабатывала. Обязана она мне кое-чем, потому и была со мной откровенна. Все, что мне было интересно, рассказала. Потом я съездил в меблирашки, где твоя ненаглядная продавщица жила, поговорил с хозяином и прислугой, узнал про твои визиты, и все мне стало ясно. Понял я, чем ты заболел и как тебя от этой болезни избавить. Да, тяжело, наверное, голубую кровь иметь? Нам, людям от сохи, намного проще живется! А ты, небось, весь истерзался: «Как же так! Я ее люблю, и пусть она трижды убийца, но говорить о ней не буду!» Угадал?

Кунцевич сжал кулаки.

– погоди, погоди. Не спеши со мной драться, а лучше ответь, понравилась тебе Наденька?

– Что?

– То! У тебя, прости за нескромный вопрос, до сего дня когда последний раз женщина была? Впрочем, можешь не говорить, и так все ясно. Так вот, брат, не любовь у тебя к этой Кате была, это тебе семя в голову ударило. Увидел бабенку смазливую и голову потерял из-за похоти. А сегодня увидел другую и опять влюблен. А завтра – в третью влюбишься. Ну, а теперь скажи, стоит такая любовь карьеры? Да Бог с ней, с карьерой, стоит ли эта Катка того, чтобы невинный в каторгу пошел? Подумай! А чтобы тебе легче думалось, я тебе еще кое-что скажу: не ты у Катерины Степановны герой романа, есть у нее настоящий предмет, и я думаю, что он-то нам и нужен. Половой! – неожиданно крикнул Митя. – Человек!

Через несколько секунд дверь в кабинет открылась, и на пороге появился служащий.

– Вот что, братец, отдумал я всухую обедать. Неси-ка нам водочки!

Кунцевич опрокинул рюмку, закусил соленым огурчиком и продолжил рассказ:

– После того, как я увидел Мельникову в здании судебных установлений и узнал, что она меня обманывает, у меня как будто пелена с глаз спала. И чем больше я над этим делом думал, тем больше убеждался в том, что лакей не виноват. Во-первых, с места происхождения изъято два орудия преступления – топор и молоток. Выходит, и злодеев было два? Тогда кто второй, спрашивается? Ну ладно, можно предположить, что Чистов привлек к нападению неизвестного нам соучастника. Но ведь дворник в тот день видел во дворе его одного! Это я совершенно точно выяснил. Далее. Со слов дворника, Чистов приходил в дом к генеральше поутру, около восьми. Дворник ему еще в укор это поставил: где это видано, чтобы генеральские жены в такую пору с постели вставали. Чистов же ответил, что на сей раз пришел не к генеральше, а к самому его превосходительству и хотел застать его перед уходом на службу. Дескать, одна надежда на генерала осталась, коль жена его расчет отдать не желает. Но дворник им с генералом встретиться не дал – взашей вытолкал и наказал подручным более его в ворота не пускать. После того, как Вебер мне сообщил, что Чистов кровь на носке дракой объясняет, я решил это проверить. Съездил в участок по его месту жительства, поговорил с приставом и выяснил, что действительно была драка! Подрались пьяные мещане в трактире на Витебской да так друг друга отделали, что до полиции дошло. Околоточный протокол составлял. И из этого протокола следует, что Чистов в драке принимал активное участие, за что вместе с другими буянами и был доставлен в участок. Делу хода давать не стали – ни от кого из пострадавших жалоб не последовало. Стало быть, мог Чистов в крови вымазаться! Квартирохозяйка бывшего лакея утверждает, что в день убийства он ушел из дому в семь утра, а вернулся около четырех, сильно

пьяный. Я пошел в тот трактир, откуда Чистова накануне в полицию забирали, и выяснил, что он там пьянствовал часов с десяти до часу. Генерал обнаружил трупы жены и горничной в три часа дня. Мельникова мне сказала, что приходила к Штрундманам в половине одиннадцатого. Ее словам, конечно, веры нет, но мадам Паперне мне подтвердила, что отправила Катю к генеральше в десять часов. Врач сказал, что смерть потерпевших наступила не ранее, чем за три часа до осмотра трупов. Осматривал он их в половине пятого, стало быть, убить их могли не позже часу-двух дня. Получается, что убийство произошло в промежуток между половиной одиннадцатого и часом-двумя после полудня. Подручный дворника мне сообщил, что ежедневно в одиннадцать часов забирает в кухне генеральши ведро с помоями и приносит дрова. В этот день он приходил к квартире в обычное время, долго стучал, но ему так никто и не открыл, чему подручный был сильно удивлен. Потом вспомнил, что кухарка генерала хвасталась, что ее отпустили со двора, и решил, что барыня с горничной тоже незаметно для него из квартиры отлучились. А раз они никуда не отлучались и дворнику не открыли, значит, к тому времени их уже убили! Понимаешь? В момент убийства лакей в трактире водку пил! Алиби у него, инобытие! Потом я узнал, что Катя и у Марсельской-Лебедевой в день убийства была, и понял, что она и есть подводчица! Ну не бывает таких совпадений! Да и от меня она этот факт скрыла. Стала бы она это делать, будь у нее совесть чиста? Получается, что она ходила по клиентам, все вынюхивала, все узнавала, а потом сообщала своим друзьям-налетчикам. А может, даже и двери им открывала!

Быков одобрительно кивал:

– А ты хотел все это скрыть, хотел, чтобы невинный всю оставшуюся жизнь соболей ловил. Ладно, кто старое помянет... Кстати, свежело тебе, что ты Катю в Окружном суде встретил – Кобыльский дело то об убийстве давно прекратил, в связи с нерозыском преступников. Но недавно прокурор его решение отменил и вернул дело на дополнительное следствие, дав указание передопросить некоторых свидетелей, в том числе и твою ненаглядную. И надо же было такому случиться, что Кобыльский ее вызвал практически в то же время, что Вебер тебя! Счастливая случайность! Ну, а теперь слушай, что я узнал. После того, как Катеринин квартирохозяин сообщил мне, что не ты один к ней захаживал, я стал устанавливать личность ее милого друга. Мне описали его молодым человеком, лет двадцати трех – двадцати пяти, прекрасно, дорого и со вкусом одетым. Он носит длинное, по последней моде английское пальто, бархатный новенький цилиндр, белые перчатки, трость. В общем, его описание подходит под половину «веселящегося Петербурга». И пришлось бы нам его искать очень долго, если бы не моя опытность и знание дела. А точнее – если бы не мое прежнее знакомство с Изабеллой Людвиговной, из-за которого она не может мне ни в чем отказать. Собрала она всех своих барышень, а служит у нее их без малого десятков, и все как на подбор хороши, чертовки. Знаешь, мне только сейчас в голову мысль пришла – а уж не прежним ли своим ремеслом Беллочка занимается вместе с торговлей? Уж не содержит ли тайный притон разврата? Надобно проверить. Ну так вот, закрыла она магазин, собрала продавщиц и велела им быть со мной предельно откровенными. Барышни все что бутонь, у всех, без исключения, есть поклонники, а мест у нас в столице, куда господину определенного положения даму отвести не зазорно, не так много. И волей-неволей в таких местах постоянно встречаешься со знакомыми. Вот я и спросил у шляпниц, не приходилось ли им встречать Катерину Степановну с описанным мной человеком в увеселительных местах. И половина из них ответила, что, дескать, да, приходилось, и неоднократно. А на мой вопрос, нет ли у кого-нибудь общих знакомых с этим молодым человеком, одна из барышень, некто Дусенька Сомова, вспомнила, что летом она видела, как Катенькин воздыхатель раскланялся в «Ливадии» с неким месье Диксоном Вильгельмом Морисовичем. Дусенька раньше состояла с этим Диксоном в связи и поэтому знает и где он живет, и чем он занимается. Оказывается, он содержит тайный игорный дом.

Кунцевич поморщился, как от зубной боли. Митя аж засмеялся:

– Не бойся, я узнал, Диксон градоначальнику ничего не платит. Так все законспирировал, что один только околоточный да местный пристав об этом клубе-то и знают.

– Так давай навестим этого Диксона и спросим у него про Каткиного хахалю! – с жаром предложил Мечислав Николаевич.

– Э, брат, смотрю, выздоровел ты окончательно. Уже «Катка»! Молодец. Навестить-то, конечно, можно, только вот станет ли он с нами разговаривать? Станет ли рассказывать про своих друзей? Нет, нам надобно сначала поймать его на чем-то, а уж потом условия ставить. Если его притон во время большой игры накрыть, то он намного сговорчивее будет, да и деньги на этом деле мы сможем заработать.

– Деньжат? Ты предлагаешь его отпустить за взятку?

– А ты предлагаешь отпустить его за просто так?

– Я думал, что мы привлечем его к законной ответственности!

– Законник хренов. Ты как себе это представляешь – мы накрываем притон, все оформляем по закону, а потом начинаем расспрашивать Диксона? И какой тогда ему резон нам что-то рассказывать? Нет, разговаривать мы его сможем, только если пообещаем что-то взамен. А что мы можем пообещать? Только одно – порвать протокол. Кстати, а какова она, законная ответственность, ты знаешь?

Кунцевич отрицательно помотал головой.

– У! Не знаешь, а говоришь. Статья девятьсот девяносто Уложения: «Кто в своем доме или ином каком-либо месте устроит или дозволит устроить род заведения для запрещенных игр, тот за сие подвергается: в первый раз денежному взысканию не свыше трех тысяч рублей». Три тысячи рублей maximum! Эти деньги Диксон за месяц обратно вернет. Это если его осудят. Только осудят ли? Он официально в этой квартире – никто, нанимает ее совсем другой человек, сапожник-пьяница. Так что оправдают его присяжные. Да какие присяжные, прокурор вряд ли обвинительный акт составлять будет.

– Тогда зачем ему с нами откровенничать?

– А затем, чтобы перерыва в работе притона не было. У него каждый день – на вес золота. Знаешь, какие деньги он там зарабатывает? Дунька, вон, до сих пор сокрушается, что Вильгельм Морисович ее бросил. В конце концов, ты что, не хочешь убийство трех человек раскрыть?

Поколебавшись секунду, Кунцевич сказал:

– Я согласен. Как действовать будем? Я так понимаю, что Вошнину мы об этом ничего не скажем?

– Естественно, не скажем. Впятером справимся – ты, я, Тоша, участковый агент Петровский, ну и Алексеева привлечем. Ему сейчас денежки ох как нужны. Говорят, неделю назад он в одном трактире птичек из трехрублевки делал и по зале пускал.

Притон располагался на Шестой линии Васильевского острова во втором этаже трехэтажного доходного дома. Быков надел свой лучший костюм, одолжил у знакомого купца пальто последней моды и попытался туда сунуться без рекомендаций. Но дальше порога его не пустили – открывший дверь угрюмый детина вежливо попросил его покинуть дом. Когда Митя отошел от парадного, то сразу обнаружил, что за ним началась слежка. Еле оторвался. Поэтому решили действовать другим способом. Кунцевич и Тоша по очереди три вечера подряд дежурили на чердаке противоположного дома и вычислили одного из постоянных посетителей клуба.

Глава 11

У губернского секретаря Липницкого полгода назад скончалась тетушка, завещавшая любимому племяннику старый, но крепкий дом в Новгороде Великом. Липницкий тут же дом продал и начал потихоньку спускать тетушкино наследство. Он забросил службу, стал постоянным гостем различных увеселительных заведений, и скоро в некоторых из них его уже называли не иначе, как по имени-отчеству. Как-то кривая завела его в клуб на Ваське. После этого скорость, с которой таяло тетушкино наследство, возросла в разы. После Нового 1890 года у Липницкого от наследства ничего, кроме любви к вину, картам и женщинам, не осталось. Последнюю неделю играл на заемные средства. И вот – удача. Первый раз за месяц он возвращался из клуба с выигрышем, да с каким! Один купец, недавний член их компании, проиграл ему не только три катеньки, но и прекрасный портсигар с инкрустацией. Печалило только одно – на дне портсигара красовалась гравировка «Моте, на память о чудесных днях. К.».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.